

ЕКАТЕРИНА
БУНЬКОВА

БУДНИ 2
ФЕЛЬДЪЕГЕРЯ

Екатерина Бунькова

Будни фельдъегеря

2. В активном поиске

<https://litres.ru/74205447>

Аннотация

Продолжение истории об Агнесе Марьямовне Зеленолист. Девушке угрожает потеря работы, в Косяковке обнаруживаются залежи древних ученых, тетка Марина достает из шкафов пыльные семейные скелеты, резервации строят матримониальные планы, а неугомонный Игорь разыскивает маньяков.

Содержание

Глава 1. Как снег на голову	4
Глава 2. Эвери	20
Глава 3. О чистокровных поломойках и чести	35
Глава 4. Велоадреналин	69
Глава 5. Торговый квартал	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Глава 1. Как снег на голову

Мужчина сидел на дальней стороне стола, сверкая новенькой формой, и постукивал пальцами по бедру. Лицо у него было приятное: такие бывают у людей с чистой совестью. Карие глаза смотрели уверенно, но не нагло, лжи в них не наблюдалось.

Когда на стол села молодая муха, мужчина не шевельнулся, но непроизвольно принялся следить за ней взглядом. Деловито обследовав лежащие на столе документы с разнообразными печатями и гербами, насекомое признало их негодными к употреблению и принялось ощупывать щель в столешнице на предмет завалившихся в нее крошек.

Время от времени муха поигрывала крылышками, и звонкое «бзз» нарушало напряженную тишину в помещении.

– Хм. – Аня задумчиво смахнула назойливое насекомое со стола, и оно принялось биться в закрытое по случаю непогоды окно. – Значит, ошибки нет.

– Никак нет, – похоже, по въевшейся в подкорку привычке отрапортовал молодой человек, а затем, спохватившись, по-светски добавил: – Я полагаю. Признаюсь честно, сам был удивлен, когда увидел... все это.

Он покосился на «телохранителей» Ани: Миколу, Игоря и Андросия Кузьмича, стоящих за ее спиной. Микола хмурился, Андросий Кузьмич задумчиво потирал подбородок,

а Игорь был взбешен до побелевших костяшек на кулаках. Тобика в горницу не пустили, но он активно подавал голос, чуя посторонний запах и волнение хозяев.

– И что будем делать? – спросила Аня.

– Не знаю, – мужчина развел руками. – Приказ отдан и оформлен по всем правилам, я уже тут, и даже командировочные на карту пришли – на оплату проезда и проживания.

– Странно. – Девушка прикусила губу. – Мне тоже на днях зарплату перевели.

– Тут как раз все ясно, – наконец, решил вмешаться Андросий Кузьмич. – Ведомства-то разные: молодой человек – из Центрального военного округа, а вы, Агнесса Марьямовна – из «Почты России». Официально, по крайней мере, источник финансирования в данном случае значения не имеет. Хотя, думаю, и источники разные. Не ясно другое: с чего вдруг новую должность оформили, не упразднив прежнюю. Забыли, что ли?

– Могли и забыть, – пожал плечами мужчина. – Особенно если она на снабжении не числится. Я вот первый раз слышу, чтобы военная должность при почте значилась.

– А мы не военные, – нахмурился Андросий Кузьмич. – Курьеры мы, потому и при почте. С кем нам тут воевать? У нас тут все свои. И фельдъегеря у нас свои – потомственные. Испокон веков так повелось. В смысле, уже два поколения как. Видите: и команда сработавшаяся.

Он кивнул на Миколу и Игоря.

– А вы бы, уважаемый начальник почты, не вмешивались, – вдруг нахмурил брови мужчина. – Мало того, что у нас тут путаница, так вы еще и гражданских лиц к секретной информации допустили. Это что еще за сын полка?

Он кивнул на Игоря. Тот мигом окрысился и весь напрягся, будто перед прыжком.

– Это – представитель тех самых народных меньшинств, которые вас прислали обслуживать, – невозмутимо пояснила Аня, знаком руки попросив Игоря оставаться на месте. – Так что вы бы повежливее с подопечным. Да и «секретной информации», как вы выразились, он знает больше нас всех вместе взятых.

– Непорядок, – нахмурился мужчина, покачав головой.

– Непорядок – это в вашем ведомстве. – Аня наконец отодвинула от себя документы, возвращая их владельцу. – С каких это пор военных заселяют в частные дома даже без ведома их владельцев? У нас что, военное положение? Как хоть вам это объяснили?

– Да никак, в том-то и дело: все думали, дом пуст и принадлежит государству, – мужчина развел руками. – Адрес дали, приказ подписали и отправили. Сказали, ключи на месте выдадут. А вы уверены, что дом находится в частной собственности?

– Уверена, – отрезала Аня. – В прошлом месяце лично эту самую собственность оформляла. Заплатила налог и грабительскую сумму за услуги нотариуса. Все документы на ру-

ках. Запрос в Росреестр сделать?

– Не надо, – вздохнул мужчина. – Я и так вижу, что на военную базу или хотя бы пограничный пост это помещение мало похоже.

Аня тоже осмотрелась. Пока она валялась в больнице и вкушала радость уколов по часам и сна по режиму, ее неутомимая команда решила сделать ей сюрприз к возвращению: поменяла обои, положила ламинат, покрасила облезлые рамы и даже – какие умнички – установила какой-никакой биотуалет за печкой. Правда, обои были с отвратительным цветочным рисунком, а ламинат без выравнивания пола лег волнами, но ведь дареному коню в зубы не смотрят, правда? Хотя, лучше б они коня подарили, честное слово, чем вот этот колхозный ремонт.

– И все-таки, что делать будем? – спросил Андросий Кузьмич, возвращая их к основному вопросу. – Мне никаких требований уволить нашего фельдъегеря не поступало. Как и предупреждений о пополнении штата.

– Что делать: кормить, поить, в бане мыть, – вздохнула Аня, наконец, принимая решение и поднимаясь из-за стола. – В постельку уж как-нибудь сам уложишься, добрый молодец: извини, я не по этой части.

– Что?! – Игорь, все это время терпеливо дожидавшийся развязки, все-таки взорвался. – Он остаётся? С какого перепугу?

– А ты предлагаешь человека на ночь глядя на улицу вы-

гнать? – Аня посмотрела на парня из-под бровей. – Вон, гроза собирается, а к утру заморозки обещали, даром, что июль на дворе. Неси лучше свой спальник и туристический коврик: кровать-то с периной мы, если помнишь, на свалку вывезли.

– И не подумаю. – Игорь возмущенно скрестил руки на груди. – Пусть валит туда, откуда приехал.

– Игорь, – одернул его Андросий Кузьмич. – Он же не виноват. У него приказ.

– А у меня кулак! – Игорь продемонстрировал свою тощую руку и неприличный жест.

– Так, давай-ка без глупостей. – Андросий Кузьмич подбавил в голос серьезности, намекая, что парень переходит границы. – Завтра с утречка отправлю начальству запрос, объясню ситуацию. А молодой человек... кстати, как вас звать?

– Олег Андреевич Железняков, – представился мужчина.

– А Олег Андреевич отпишется своим: мол, так и так, на месте давно уже работает другой фельдъегерь, прошу разобраться в ситуации. А пока давайте просто подождем. Агнеса Марьямовна, вы ведь не против помощника?

– Руками и ногами за, если это не отразится на моей зарплате, – сказала Аня. – Пока я болела, гора посылок стала еще больше, скоро лавина сойдет. Пожалуй, пополнение в штате и правда не помешает.

– Эй, а я? – возмутился Игорь.

– А ты, помнится, в Гарвард хотел поступать, – заметила

Аня. – Или куда там еще? Вот и поступай.

– Не хочу я ни в какой Гарвард! – еще пуще вскипел Игорь. – К моей девушке какого-то хлыща подселили, а я должен это терпеть и мило улыбаться?

– Игорь, опять начинается? – осадила его Аня. – Мы с тобой, кажется, договорились: я тебе не девушка. В смысле, не твоя девушка.

– Целый месяц была, – напомнил Игорь. – Невестой.

– Не месяц, а три недели, – поправила его Аня. – И это не я была невестой, а ты – женихом назвался, врачам головы задурил. Между прочим, передачи можно было и без этого приносить. Сказал бы просто: друг.

– Тогда хрен бы тебе мороженое от меня доставляли и прочие скоропортящиеся вкусности, – пояснил Игорь. – А я им сказал, мол, только встретились, пожениться собирались, а болезнь разлучила, «дайте хоть порадовать любимую напоследок, вдруг не увидимся», и все такое.

Он так искренне сложил лицо в умильную мордашку, что даже почти пустил слезу.

– На актерское тебе надо поступать, – вздохнула Аня. – И поскорее. А то с каждым днем дури в голове все больше. Неси давай спальник.

– И не подумаю, – насупился парень.

– Игорь! – Аня повысила голос и нахмурила брови.

– Я тебя с ним наедине не оставлю, – стоял на своем эльф.
– Вон, смотри, какие глазки ушлые.

Все послушно посмотрели. Если Олега Андреевича Железнякова и можно было в чем-то обвинить, так это в слишком короткой стрижке, явно сделанной недавно и с таким расчетом, чтобы подольше не превращалась в лохматый ком. Ну и форма, пожалуй, у него была слишком щегольской: в отличие от формы Ани, она была пошита не при советских временах и блестела официальными нашивками Вооруженных сил Российской Федерации. Только на фуражку была прилеплена мутная – явно со старого склада – кокарда Государственной курьерской службы с неизменным компасом. Если б не сопровождающие документы, можно было всерьез подумать, что кто-то решил подшутить над жителями старой доброй Косяковки.

– Молодой человек, что вы себе позволяете? – возмутился все-таки мужчина, не вытерпев такого отношения со стороны какого-то сопляка.

– Это ты себе позволяешь! – ответил Игорь. – Читай по губам: тебе здесь не место. Вали в гостиницу, если она еще существует, или на вокзал, или на почту – мне без разницы. Вот это...

Он ткнул пальцем в Аню:

– ... моя девушка. А это...

Он ткнул пальцем в пол:

– ... ее дом. И точка. И никаких «левых» мужиков. Микола, выводи его.

На удивление, Микола послушно двинулся выполнять

приказ, картинно качнув головой в стороны, чтобы размять шею, и хрустнув пальцами могучих рук.

– Э-э! Стоп! – Аня наконец вмешалась: встала между Миколой и военным, раскинув руки в стороны. – Я тут пока еще хозяйка. А ты, Икорушка, если хочешь еще хоть раз зайти ко мне в гости, будь добр, держи себя в руках. Мы уже поняли, что ты весь из себя серьезный, крутой и умеешь метить территорию. Но тут собрались адекватные взрослые люди. Будь добр, оставь детские выходки за дверью. Желательно, вместе со своей пышущей гормонами тушкой.

Игорь, до глубины души оскорбленный предательством самого любимого (по крайней мере, из здесь присутствующих) человека, хотел было что-то ответить, надулся, набрав полную грудь воздуха, но лишь нечленораздельно прошипел что-то на «птичьем» языке, а затем развернулся и вышел из дому, бабахнув дверью. Из щелей между потолочными досками посыпалась пыль.

– Обиделся, – констатировал факт Андросий Кузьмич. – Жестковато ты с ним, Агнесса Марьямовна. Может и мелкий, но мужчина все-таки. Мы такое обращение не любим.

– А как иначе, если по-другому не понимает? – ответила Аня, внутренне ощутив-таки небольшой стыд, но быстро спохватившись. – Ничего, погуляет по крышам, остынет.

Игорь не остыл. За ночь соседнюю крышу так и не украсил

его силуэт на фоне звездного неба, а утром в гости не заглянул привычный уже солнечный зайчик. Похоже, бурлящие в парне закуска несправедливости и нерастратенная сила первой юношеской любви в отсутствие выхода да при наличии мозгов сконцентрировались в холодную, крепкую настоячку обиды и обещали еще когда-нибудь аукнуться.

Аня даже начала морально к этому готовиться и на всякий случай обдумала варианты «извинительных плюшек»: на речку, там, с парнем сходить, или в парк. Только без лишних нежностей, чтобы не вернуться к тому, с чего, собственно, и начался спор.

Когда Игорь не явился под окна и к завтраку, Аня ощутила укол стыда. Все-таки, можно было и попроще слова подобрать. Но, честное слово, за эти три недели неугомонный эльф ее достал.

Над его вечерними серенадами при содействии знакомых рокеров, утренними букетами стремительно увядающих ромашек и художественной росписью асфальта цветными мелками угорал весь медперсонал и соседи по палате. О том, что к ней опять «хахаль пришел», Ане торопились сообщить все, кому не лень: отчего-то выдуманная Игорем история внезапно разгоревшейся «любви во время пандемии» зацепила всех.

Как назло, соседка по койке оказалась блогершей, фиксировала каждую минуту жизни новоиспеченных «Ромео» и «Джильетты», а затем щедро делилась с Аней комментария-

ми читателей, начиная от «Встречаются же еще где-то такие мужики!» и до «Когда она уже помрет-то? Сколько можно мучить парня!».

Припомнив все это, Аня тряхнула головой и простила себя. Отстал и ладно. Никто его не просил ехать вслед за ней в Екатеринбург и мыкаться по квартирам старых друзей. И вообще, судя по счастливому выражению, не сходявшему с лица эльфа эти три недели, ему там жилось хорошо: таскался по нелегальным сейшенам, зажигал на пьяных квартирниках, мучил барабаны в «музыкальном» гараже друзей, гулял по пустынным карантинным улицам, бегал от полицейских патрулей и прочая, прочая, прочая.

Даже насморк не подхватил, несмотря на полное игнорирование санитарных рекомендаций по борьбе с вирусом. Везет же некоторым. А другие, даже уехав в глушь, в леса, умудряются подцепить городскую заразу и загреметь в больницу.

– Вы всегда так питаетесь, или сегодня какой-то особенный день? – вывел Аню из задумчивости вопрос гостя, с утра уже успевшего и побриться, и помыться и вообще выглядевшего, в отличие от нее, на все сто. Одно слово – военный.

– Что? – спохватилась она, наконец, отмерев. – А-а, нет, это Микола, наверное, ревизию в голбце делает. Обычно поскромнее завтракаем.

На столе и впрямь творилось нечто странное: вместо привычного уже бутерброда типа «хлеб со сметаной», гигант

устроил настоящий праздник деревенских вкусов. Тут было и копченое сало, и три сорта варенья, и маринованные грибы, и сушеные ягоды, и жаренная на топленом масле картошечка, и яйца всмятку, и вареная кроличья голова, и студеное молоко, и – а вот это уже из запасов Ани – творожки от известной фирмы.

То ли Микола решил, что гостей надо кормить лучше, чем хозяев, то ли разошелся из чувства мужской солидарности, то ли и правда решил избавиться от прошлогодних запасов, чтобы освободить место для нового урожая, но факт оставался фактом: стол просто ломился от разнообразных яств. Аппетита вся эта красота едокам не добавляла, оба привыкли к нормальной городской пище: обезжиренной, рафинированной, обогащенной витаминами, клетчаткой, лакто и бифидобактериями, дополненной тщательно выверенным количеством специй с глутаматом натрия и идеальным балансом сахарозаменителей.

Впрочем, поглядев на то, каких сумм могут достигать ежемесячные накопления, если их не тратить в магазинах на вышеперечисленное, Аня уже куда лояльнее стала относиться к традиционной деревенской трапезе – смертельно необезжиренной и отвратительно натуральной. И даже к антинавозным калошам, сохраняющим обувь в ее почти первозданном виде.

– Когда приступаем к работе? – вежливо спросил мужчина больше для того, чтобы поддержать разговор, нежели ре-

ально интересуясь, и на пробу потянул к себе одну из тарелок.

– Да хоть сейчас, после завтрака. – Аня пожала плечами. – Сегодня как раз суббота, все дома должны быть. А вас уже проинструктировали о сути работы?

– В общих словах, – ответил Олег Андреевич, намазывая себе хлеб вареньем. – Как я понял, наша задача – перевозить посылки, верно?

– И письма, – кивнула Аня. – Остальное так, с учетом обстановки.

– Что вы имеете в виду? – не понял мужчина.

– А, не обращайтесь внимания, – девушка махнула рукой. – Случаются тут иногда... эксцессы, так сказать.

– Вам кто-то угрожал? – сразу напрягся мужчина и даже отложил свой надкушенный бутерброд, готовясь решать проблему здесь и сейчас.

– Нет, что вы. – Аня покрутила головой из стороны в сторону, торопясь его успокоить (хотя подобное внимание со стороны военного было даже приятно). – Был один небольшой конфликт, но мы его уже сами решили. Теперь местное население меня немного... кхм... побаивается.

– Даже так, – мужчина удивленно, но с долей почтения поднял брови. – Ну, если что, вы обращайтесь: все-таки, моему ведомству конфликтами заниматься проще. С военными обычно не спорят.

– Да со мной уже тоже, – улыбнулась девушка. – Вы ку-

шайте, кушайте. А то даже жалко: такое богатство пропадает.

Мужчина слегка улыбнулся в ответ и снова принялся за бутерброд.

– Кстати, что это мы на «вы»? – сказала Аня, которой эта формальность за столом отчего-то сильно мешала. – Давайте по-простому. Я гляжу, мы с вами примерно ровесники, нет смысла друг другу «выкать». И зовите меня просто Аней – так удобнее. Игорь, конечно, не оценит, но его и не спрашивают.

Девушка протянула руку, и они познакомились повторно. Градус официальности за столом сразу снизился, стало на порядок уютнее. Гость перестал быть чужаком, временно определенным на ночлег на полатах в другой половине дома, и вполне уместно вписался в должность коллеги-новобранца: умеренно молодого, «зеленого» и требующего мягкого женского руководства.

Вот и славно: Аня всегда мечтала о таком случае. А то на прошлой работе она, как ни крути, вечно была в самом низу офисно-планктонной пищевой цепочки.

– Компоттику-с? – предложил Микола непривычно официальным тоном.

Аня покосилась на него и замерла в удивлении: гигант, похоже, из всех сил изображал официанта в ресторане. Он даже замызганное полотенце на руку набросил, и какой-то пиджак поверх косоворотки напялил. Выглядело это нелепо.

– Микола, ты не перегрелся? – спросила девушка. – Ка-

кой-то ты странный сегодня. И еды наворотил столько, что не съесть.

— Два хозяина, — немногословно пояснил «домовой». — Семья в доме. Люблю, когда семья. Жить веселее. Особенно если детки...

С Аниной вилки соскользнула и шлепнулась обратно в тарелку яичница.

— О-о-о, — простонала девушка, наконец, сообразив, в чем дело, и схватившись за голову. — Начина-а-а-ется. Деревня, блин.

— Что случилось? — не понял, но забеспокоился Олег.

— Готовься, Олежка: щас нас все сватать будут, — пояснила девушка, потряхнув кудрями. — Это у местных бзик такой. А мы с тобой мало того, что по всем статьям друг другу подходим, так еще и в одном доме оказались. Сплетен будет — тьма. Сначала Игорь озаботился и в «соперники» тебя определил, теперь вот Микола. А только мы за порог выйдем, бабки нас мигом парочкой окрестят, и полетит песня по весям. Хорошо хоть, они соцсетями пользоваться не умеют. Пока.

— Может, нам тогда по отдельности выходить? — предложил Олег. — С разных сторон дома?

— Не уверена, что это поможет. — Аня поджала губы. — Впрочем, у нас тут неделю назад на соседней улице мужика по пьяной лавочке уколошили. Будем надеяться, что убийство будет поинтереснее бытовых сплетен, и на нашу долю придется не слишком много внимания.

– А кого убили? – заинтересовался Олег. – Эльфа?

– Да нет, обычного круглоухого алкоголика, – отмахнулась Аня. – Да и не так чтобы совсем убили: порезали в драке сильно. А у него печень уже никакая была. Вот он и не пережил. Короче, как всегда. В столице такое на каждом углу, и никому дела нет – по крайней мере, в отдельных районах. А у нас, вишь, сразу история на всю деревню. Домыслы, предположения, буйство фантазии доморощенных детективов...

Она сделала многозначительную паузу. Потом вздохнула и подытожила:

– Ладно, рискнем показаться на глаза общественности. В конце концов, во всем есть свои плюсы: в твоей компании меня хотя бы в совращении соседа обвинять не будут. Кстати, где эту обиженку в бандане носит? Неужели мы сегодня без велика?

Игорь и правда так и не явился помогать, так что пришлось двум фельдъегерям идти пешком – не брать же лошадь людям на смех.

К счастью, Олег Андреевич как человек воспитанный (и тренированный) сгрузил всю тяжесть на свои плечи, а девушке доверил только сумку с бумагами: у него, кстати, такой даже и не было, чему Аня крайне удивилась. Где ж тогда бумажки сопроводительные на груз хранить?

Этот вопрос озадачил и новобранца. Обсудив разницу в должностных инструкциях, они пришли к выводу, что военное ведомство попросту не обладало достаточными зна-

ниями о специфике работы уральских фельдъегерей: должность-то создало, а вот продумать как следует особенности работы не потрудились. Видно, как обычно бывает в таких случаях, отчетность предполагалось вести по принципу «Ну, ты сделай как-нибудь, а я потом посмотрю, обругаю, и будешь дальше так же делать».

Так что Аня щедро поделилась с коллегой своими бланками, но попросила потом их вернуть. Заполненными, разумеется. А то кто знает: вдруг из-за его «помощи» ей зарплату снизят? Потерять доход даже до выяснения обстоятельств ей не хотелось бы.

Глава 2. Эвери

Первые дома они обслужили вдвоем: Олег Андреевич ждал внизу с сумками, Аня бегала с посылками. Весть о том, что она «поглотила Кровь старого мира» разнеслась по Косяковке не хуже вируса, и теперь подопечные боялись с ней спорить, а некоторые так даже пытались прятаться, будто ожидая, что в их фельдъегере вот-вот проявятся сверхъестественные способности.

Разговаривать с зашуганными получателями было нелегко, зато передача посылок осуществлялась быстро, и никто не пытался задерживать девушку, так что вскоре сумки полегчали настолько, что Аня даже отвоевала одну у своего вежливого компаньона. Все равно к тому моменту посылки почти не осталось, одни письма.

– Может, поделим адреса? – предложил Олег. – Мне, знаешь ли, тоже интересно поглядеть на этих... кхм... представителей народных меньшинств.

Он с любопытством покосился на окно, в которое выглядывал эльфенок лет пяти: теперь-то Аня умела отличать их не только по ушам, но и по специфическим чертам лица.

– Да на что там глядеть, – отмахнулась девушка, пряча в сумке заполненный бланк. – Кроме ушей ничего особенного – люди и люди. Но если хочется, то давай, конечно, поделим. Так даже быстрее будет. Можем на четные и нечетные: ты на

одну половину улицы, я – на другую.

– Если б мы были обычными почтальонами и заходили в каждый дом, это было бы удобно, – согласился мужчина. – Но у нас с тобой адреса разбросаны по карте, так что смысла идти направо и налево нет. Давай лучше на женщин и мужчин делить: ты возьмешь на себя первых, а я – вторых. Так ведь удобнее будет, верно?

Аня обдумала это предложение. Вообще-то, практика показывала, что на самом деле посылки комфортнее доставлять адресатам мужского пола: они реже скандалят, не прикапываются к целостности упаковки, не пытаются заговорить до смерти и не поджимают губы при виде стройных Аниных ног.

С другой стороны, с тех пор, как она стала живой легендой, особой разницы не было: опасались ее все одинаково. Так что можно было и женщин на себя взять, раз молодому человеку так удобнее. Странно, кстати, что он выбрал не дамочек: обычно все-таки приятнее общаться с лицами противоположного пола. О ней, что ли, позаботился? Или у него какие-то проблемы с дамами?

Впрочем, как по заказу прошедшая мимо незнакомая девица тут же доказала, что с этим у Олега Андреевича все хорошо: построила симпатичному военному глазки, и мужчина сразу польщенно улыбнулся и поправил воротник, будто тот начал его душить. Похоже, кое-кому недолго оставалось быть холостым: уж местные невесты об этом позаботятся.

– Женщины так женщины, – пожала плечами Аня, соглашаясь.

Они перебрали сумки и поделили их содержимое. Похоже, возможность полноценно приступить к делу обрадовала Олега: он сразу стал на порядок деятельнее и даже что-то довольно засвистел.

Аня смутилась. Действительно, чего это она ему совсем по адресам походить не дала? Как будто пожадничала. Да там тех посылок – вагон и маленькая тележка. Не то что на двоих, на десятерых хватит, чтобы убежаться.

– Только не говори сразу, что ты новый фельдъегерь, – предупредила она, вдруг запереживав. – Скажи, что мой помощник. А то они понадумают себе всякого, сплетен понасочиняют. И про бланки не забывай, пожалуйста, иначе я без зарплаты останусь.

– Понял, – кивнул мужчина, беря свою сумку. – Я – помощник фельдъегеря Агнессы Марьямовны. Посылки выдаю строго адресату. Если есть сомнения, спрашиваю документ. Бланки заполняю в соответствии с позициями.

Он подмигнул ей, неожиданно показав живое человеческое лицо из-под маски хорошо вымуштрованного военного.

– Слушай, ты не помощник, а просто чудо, – сказала Аня, добавив в голос немного дурашливости, чтобы скрыть смущение. – Работать с тобой – одно удовольствие. Не то что с некоторыми ушастыми.

– Спасибо, конечно, – польщенно улыбнулся Олег, – но я

еще работать даже не начал. Вот с какой-нибудь проблемой столкнусь, там посмотрим, насколько я хорош.

– Тоже верно, – улыбнулась в ответ Аня.

Они еще немного неловко постояли рядом, не зная, что сказать друг другу, потом Олег пожелал ей удачи, она ему – тоже, и два фельдшера разошлись в разные стороны.

Отойдя на приличное расстояние, Аня остановилась и прижала руки к щекам – те подленько горели. Вот ведь пошутила с утра пораньше про сватовство, и сама же незаметно попала под атаку простого мужского обаяния.

Как назло, мужчина оказался очень даже ничего: вежливый, обходительный и вроде бы без вредных привычек. Ну мечта просто, а не мужик. Еще и в той же должности.

Жаль только, чего-то ему все-таки не доставало до полного идеала. Душевности, что ли. Хотя, вроде, приятный в общении. Или, может, игривости? Но заигрываний разной степени пошлости она уже нахлебалась в общении с Игорем.

«Нет, наверное, этот Олежка и правда – мужик, что надо, а я просто ищу хоть какие-нибудь недостатки, – подумала она. – Не бывает ведь идеальных людей? Может, он зубы на ночь не чистит? Или в компьютерные игры любит резаться? Или вообще – БДСМ-щик. В тихом омуте, как известно, кракен водится».

Так, стоп. Неужто она строит какие-то планы на этого новобранца? Бр-р! Нет-нет-нет. Только-только с бывшим разошлась, беременности испугалась до психоза, и опять на те же

грабли торопится прыгнуть? Нет уж, хватит. Работа, работа и еще раз работа. Заработать денежку, обновить поизносившийся гардероб, оборудовать ванную... Дел-то полно. Надо шевелиться.

Сделав себе такое внушение, Аня выпрямила спину и двинулась по адресам с полупустой сумкой на плече.

Денек был чудесный, и работалось хорошо. После неестественной июньской жары в начале июля на Косяковку напала лютая непогода: столбик термометра как будто приклеился к отметке в десять градусов, небо было сплошь покрыто тучами, и временами из них лился дождь – а чего еще ждать от уральского лета?

Впрочем, сегодня было сухо, пусть и прохладно. После вчерашнего ливня дорогу развезло, но, прекрасно зная особенности Косяковских улиц, Аня выбрала именно тот маршрут, на котором все было заасфальтировано, так что грязь ее не пугала. Зато воздух был свеж и чист, наполнен кислородом из соседнего леса и приятным запахом древесного дыма из кирпичных труб.

Китель и старая шаль грели плечи, а теплые джинсы – ноги. Конечно, Андросий Кузьмич вряд ли одобрил бы такое вольное отношение к униформе, но сегодня Аня не планировала попадаться ему на глаза: улица была из дальних, на окраине Косяковки, так что можно было в кои-то веки похо-

дить в джинсах, а не в юбке.

Раздав оставшиеся посылки, девушка и вовсе повеселела. Редко когда ей удавалось выполнить работу до конца: обычно кто-нибудь да отсутствовал из адресатов. А уж письма разносить и вовсе было сплошным удовольствием: знай, засовывай их в почтовые ящики. Правда, в некоторых домах с ящиками была проблема, и приходилось проталкивать письма в щели ворот или забрасывать в открытые окна, но такой ерундой можно было заниматься и в отсутствие хозяев.

Вот и этот «голубоглазый» домик на самом краю улицы страдал той же проблемой: прорезь для писем отсутствовала, окна были закрыты, а щели в воротах, выкрашенных в васильковый цвет, хозяйственно забиты узкими дощечками – для красоты и чтобы не сквозило.

– Эй, есть кто дома? – сказала Аня, уже привычно нажимая на железную лапу дверного крючка, какие были во всех старых постройках. – Ау?

В ограде никого и ничего не было, кроме жуткой грязищи: похоже, хозяевам не повезло с уклоном участка, и после дождя вся вода с улицы затекала внутрь. Или грунт с годами просел – дом-то стоял на окраине, у самой реки, веками подмывающей склоны.

Аня покрутилась на месте, выглядывая, куда бы положить письмо, чтобы оно не промокло, и при этом, чтобы его потом заметили. Не нашла. Нахмурилась, покачала головой, нырнула в ограду и пошла к крыльцу самого дома.

– Э-эй, хозяйева? – она постучала в дверь. – Юлия... эм... где тут получатель-то написан... А, вот. Юлия Борисовна, вы дома? Фельдъегерь пришел. Я вам тут письмо оставляю, ладно?

Крыльцо было узкое, неудобное. Потянувшись к подходящей щели, в которую можно было засунуть конверт, девушка вдруг потеряла равновесие и вынуждена была схватиться за ручку двери. Та, как назло, легко открылась, едва не свалив ее в грязь.

Аня повисла на ней на манер обезьянки, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди от неожиданности. Уф! Еще чуть-чуть, и полетела бы кубарем. Кто б знал, что письма разносить так опасно.

Помахав ногами в воздухе, со второго раза девушка вернула себе твердую опору, отдышалась и заглянула в сени. Точнее, на веранду: этот дом был из советских, и еще застиг моду на веранды с большими окнами. Помещение снизу доверху было заставлено коробками и бутылками. Причем во все не из-под алкоголя, а как будто из кабинета химии. И пахло тут соответствующе – какими-то реагентами.

Ане стало любопытно. Эльфы-химики – это что-то новенькое. Впрочем, несанкционированную алкогольную промышленность еще никто не отменял: кто знает, может, именно за этими дверями и гонят знаменитую кедровую наливочку?

Девушка сняла обувь и на правах фельдъегерского произ-

вола и глухоты хозяев заглянула внутрь – благо внутренние двери были открыты настежь.

Внутри было еще интереснее. Почему-то прямо у входа за ширмой притулилась кровать. Недалеко от нее дышала теплом печь, в зеве которой грелся котелок: судя по запаху, с перловкой. С этой частью интерьера было все понятно и привычно, но вот остальное...

Остальное больше напоминало помесь научного института и дядюшкиного «музея»: какие-то древние советские книги (по химии, ядерной физике, философии и прочим замудростям), столы со скопищами склянок, стеклянный стеллаж с живыми грибами (судя по мутантскому виду, грибочки были родом с Йельва) и пыльный компьютер с отсутствующими крышками на системнике и непонятными таблицами на мигающем экране.

Центр композиции, как и полагается, составлял сумасшедший ученый. Мужеского пола.

– Здравствуйте, – пробормотала Аня, застеснявшись своего вторжения. – А где Юлия Борисовна?

– Уже пять лет как скончалась, – не оборачиваясь, на автомате ответил ей мужчина, явно погруженный в свои мысли. – Письмо принесли? Если письма от Луки, можете больше не приносить: у него деменция, он не помнит, что его любимой давно нет.

Аня покосилась на конверт. Действительно, в графе «От кого» значился Лука Большеногий.

Девушка поежилась. Сразу стало как-то неловко и очень жалко старика.

– Простите, что помешала, – сказала Аня, не зная, что теперь делать с письмом. – Я пойду, пожалуй.

– Угу, всего доброго, – все так же не оборачиваясь, сказал ей косяковский ученый-отшельник. – Хотя, постойте!

Он вытянул в ее сторону руку.

– Да? – встрепенулась девушка.

– Будьте так добры, поставьте чайник, – попросил мужчину, глядя в микроскоп. – Кажется, я забыл поужинать.

Аня покосилась в окно. Время близилось уже к обеду, не то что к ужину или завтраку. Странные все-таки люди эти ученые. То-то он такой худой: вон, позвоночник сквозь белый халат выпирает.

Забавно, кстати: человек дома в белом халате ходит. Ну прям вылитый врач из екатеринбургской больницы. Голова только грязная и без шапочки. Лохматый – жуть. И не стригся, судя по всему, лет десять. А хвост, похоже, как неделю назад собрали, так с тех пор и не причесывали. И за правым ухом черный маркер. Хорошо держится на эльфийских-то ушах.

Аня покачала головой. Ну ладно уж, поставим чайник, поможем человеку. В конце концов, в каждой женщине дремлет заботливая мать, и если дома орудует профессиональный «домовой», самореализации этой самой матери порой не хватает.

Чайник нашелся быстро, а вот воды в нем было мало. Пораскинув немного мозгами, Аня решила, что не будет ничего страшного, если долить немного дистиллированной – благо, дистиллятор стоял тут же, и под ним теснилось несколько полных сосудов.

Печь тоже была еще достаточно горяча, но на всякий случай девушка подбросила в нее полешко из тех, что лежали рядом. Чайник рядом с чугуном не поместился, а ухвата, чтобы сдвинуть чугунок с кашей глубже в печь, нигде не наблюдалось. Пришлось подцепить его какой-то тряпкой.

На автомате сняв крышку и заглянув внутрь, девушка скривилась: перловкой субстанция была часов десять назад, теперь же она в лучшем случае годилась на корм животным. Очень непривередливым животным.

Поняв, что живому человеку лучше такой дрянью не обедать, Аня решила еще немного похозяйничать. Заглянула в холодильник, нашла там полупустую банку соленых огурцов и колбасу, от которой, похоже, откусывали прямо так, не заморачиваясь нарезкой. На холодильнике лежал магазинный хлеб. Девушка по-быстрому сделала бутерброды и даже украсила их зеленым лучком. Точнее лучок был репчатый, но кто-то забыл его возле окна, и луковицы проросли.

Пока она возилась, закипел чайник, но заварка во «френч прессе» оказалась с плесенью. Пришлось потратить время на заваривание новой. Причем в кружке, так как заварочник был покрыт такими древними отложениями чайных ко-

лец, что на них могла жить не только плесень, но и разумная жизнь. Что, кстати, было вполне возможно, учитывая, что на том же столе стояли три чашки Петри с потрясающих расцветок микробными колониями внутри. Видимо, для красоты.

– Вот чай и бутерброды, – сказала Аня, занеся поднос в комнату и водрузив его на край стола. – Приятного аппетита.

– Ага, спасибо, – мужчина начал поворачиваться, но как-то не сразу: сначала развернулся корпус, и рука потянулась в сторону еды, затем начала поворачиваться голова, и только потом глаза ученого вынырнули из микроскопа.

– Ой, а вы кто? – наконец, соизволил он заметить неожиданную помощницу и растерялся.

– Агнесса Марьямовна я, фельдъегерь ваш, – сдержав смешок, представилась девушка.

Ее весьма позабавил вид вернувшегося в реальность хозяина дома: он похлопал ресницами, приходя в себя, потом посерьезнел, прокашлялся и поправил очки. Довольно оригинальные: с идеально круглыми линзами, но не в цельной оправе, а в виде двух стеклышек с укрепленными на них упорами для переносицы.

– В Екатеринбурге заказывали? – Аня указала на очки. – Необычная оправка.

– В Москве, – уточнил мужчина. – Ой, что это я? Совсем заработался. Да вы присаживайтесь. Может, тоже чаю? Меня, кстати, Савелием звать.

Он протянул худощавую ладонь.

– Савелием? – переспросила Аня, понимающе ухмыльнувшись и многозначительно поглядев на его острые уши.

– Эверием, – уточнил мужчина, поняв, к чему она клонит. – И некоторые коллеги зовут просто Эвери.

Они пожали друг другу руки. Аня вдруг поймала себя на мысли, что не может оторвать от собеседника взгляда. И ведь вроде ничего такого в нем не было: обычное лицо обычного жителя резервации. А вот почему-то притягивало. Хотелось смотреть и смотреть в эти большие ясные глаза, пусть и со следами от бессонной ночи.

Аня покраснела, но отвести взгляд все равно не смогла.

– А вы давно фельдъегерем работаете? – вдруг тоже заинтересовался мужчина, доставая с полки с реактивами еще одну чашку, неведомо как там оказавшуюся, и наливая в нее чай. – Что-то я вас раньше не видел.

– С прошлого месяца, – промямлила Аня и тут же дала себе мысленную оплеуху: с чего вдруг так растаяла? Мало того, что эльф, так еще и ученый. Вот уж совсем не подходящий кандидат на роль спутника жизни. Олег по всем статьям лучше. Да что там – Игорь и то на роль будущего мужа больше подошел бы. Хотя бы потому, что готов заботиться, а не забить на все и посвятить себя науке.

Так, опять стоп. Какие мужья, какие кандидаты? Да что такое сегодня у нее с головой? Только о мужиках и думает.

«После больницы совсем цикл сбился, гормоны шалют, –

посетовала она. – Нет, но все-таки, какой притягательный мужчина... Его бы отмыть, причесать да приодеть по-человечески».

Подумав немного, она решила, что можно даже не стричь – отросший хвост вместе с острыми ушами смотрится вполне гармонично. А вот помыть и приодеть – это да, это обязательно. Впрочем, он и сам наверняка одеваться неплохо умеет. Заказал же где-то хорошие очки. Да и под грязным халатом виднеется не футболка какая-нибудь, а добротнo сшитая рубашка из тех, что продаются в дорогих магазинах мужской одежды.

Аня украдкой вздохнула, окинув взглядом крепкую мужскую шею. Эх, на такой бы повисеть.

– А я думал, упразднили уже фельдъегерей, – сказал ученый, размешивая сахар – добрых три ложки. – Молодежь-то вся поразъехалась. Ну и правильно, в принципе. Что там, в лесу, делать? Ни тебе жизни, ни развития. Одно вырождение: генетическое и нравственное. Вы так не думаете?

«Я вообще не думаю, я тащусь», – мысленно сказала Аня, но вслух ответила другое:

– Старики долго живут. Так что и фельдъегеря еще долго к ним ездить будут.

– Про стариков – это точно, – ее собеседник улыбнулся, продемонстрировав белые и такие ровно-одинаковые зубы, как будто с винирами. – Кто в Йельве был рожден, тот не умирает сам по себе. Вы пейте чай, пейте. На улице нынче

прохладно, вам бы погреться, прежде чем путь продолжите.

– Да я, вообще-то, уже закончила на сегодня, – мысленно коря себя за такой жирный намек, сказала Аня. – Письмо от Луки последнее было. Может, для вас что-нибудь заказать нужно?

– Нет, спасибо, – усмехнулся ученый, откусывая от бутерброда сразу половину. – Я, к счастью, и сам могу.

Аня посмотрела на него с еще большим уважением. Перед ней как будто сидел Игорь лет этак на пятнадцать постарше, но только такой, который вместо бесполезных ухаживаний за фельдъегерем выбрал учебу в Гарварде.

Только зачем этот Эвери вернулся в Косяковку? Тоже, что ли, дубы изучает? Может, сказать ему про порошок? Хотя, полной правды рассказывать все равно нельзя, разве только легенду, родившуюся в июне. И тогда он может попросить ее сдать кровь для исследований.

«Или не только кровь, – поправилась она. – А писать и какать в баночку – это как-то вообще не романтично, так что уж лучше промолчу».

Они посидели еще немного в тишине. Ученый один за другим уничтожил бутерброды, чашка в руках Ани показала дно, а внутренний таймер светской беседы просигналил, что раз уж ее ни о чем больше не просят, пора бы и честь знать.

Смирившись, что единственный привлекательный экземпляр мужчины во всей Косяковке, к сожалению, влюблен в науку, Аня все-таки заставила себя распрощаться и уйти.

Ученый же, окончательно вытряхнув из головы мысли о содержимом предметного стекла под микроскопом, явил и во все очаровательнейшие манеры: проводил ее до дверей, помог спуститься с опасного крыльца, а у самого выхода даже поцеловал на прощание руку.

У Ани был большой соблазн картинно пожаловаться на криминогенность обстановки в районе, где она жила (ужас ведь: аж целого одного алкоголика в пьяной драке насмерть порезали!) и напроситься на сопровождение до дома. Но, поглядев на лабораторный халат, испачканные в оранжевой плесени брюки, лохматую голову и ничем не прикрытые уши мужчины, она вздохнула и решила не наглеть. День на дворе, алкоголики в такое время все равно отсыпаются, а жеманность, с ее точки зрения, просто не могла быть положительной чертой характера гордых женщин, к каковым она себя относил.

Так что домой девушка пошла в одиночестве. Зато в приподнятом настроении.

Глава 3. О чистокровных поломойках и чести

– Ань, ты в порядке? – обеспокоенно спросил Олег, тронув ее за локоть, когда они обедали.

– А? Да, в порядке. Просто задумалась, – ответила девушка, спохватываясь и снова принимаясь за еду. – Хотя, правильное было бы сказать, замечталась.

– Бывает, – улыбнулся мужчина. – Да, забыл сказать: мне тут начальство звонило.

– И как? – поинтересовалась Аня.

– Сказали ничего пока не предпринимать. Будут разбираться, – разочаровал ее Олег отсутствием быстрого решения. – Но, знаешь, из разговора я понял, что там кто-то на кого-то сильно сердит: мол, прошляпили, средства почему зря спустили. Так что сейчас они будут недельку или две искать козла отпущения. А когда найдут, займутся моей проблемой.

– Почему же твоей проблемой? – с кислой усмешкой сказала девушка. – Проблема как раз моя: только было нашла хорошую работу, а меня тут же – фьюить! – и сократили. Обидно.

– Рано паникуешь, – поддержал ее Олег. – Может, это меня – «фьюить». Во-первых, дом у тебя в собственности находится. А значит, чтобы оставить меня в должности, потре-

буется где-то добыть жилье. А это неучтенные расходы. Во-вторых, твоя должность оплачивается из совсем других ресурсных баз, которыми мое ведомство распоряжаться не может.

– Вот именно, – вздохнула Аня. – Сейчас они как начнут разбираться, как узнают про этот бред – фельдъегеря-почтальона – и все, устранят нелепую должность.

– Конечно, в принципе, они могут подать запрос в вышестоящие инстанции, чтобы те разобрались, – согласился мужчина. – Почти наверняка так и сделают. Но, насколько мне известно, высокое начальство с коммерческими организациями связываться не любит: бумажной волокиты много. Недаром твоя должность с царских времен при почте сохранилась: тоже, видно, кто-то поленился документы править.

– Да, но когда-то же они спохватятся, – сказала Аня.

– Может и нет, – ответил Олег. – Платят тебе, как выяснилось, из бюджета города. Ты – официально чиновник. Только трудоустроенный через пень-колоду. И зачем военному ведомству спускать на фельдъегерей свои средства, если их и так уже финансирует другое ведомство? Так что можешь не беспокоиться: уволят, скорее всего, меня.

Он с невеселой улыбкой подмигнул девушке.

– Как-то даже неловко, – заметила Аня. – Может, они нас обоих оставят? Мы, вроде, неплохо сработались.

– А смысл? – пожал плечами мужчина. – Если я правильно понял, эта гора посылок скопилась по чистой случайно-

сти: из-за несколько недель пустовавшего рабочего места и твоего больничного. Сейчас мы их за недельку-другую адресатам развезем, и все, работа кончится. Останутся рутинные выезды.

– Ну, вообще-то, да, – признала Аня. – Старейшина Тополь мне говорил, что в зимнее время они и сами не прочь скататься в соседние кланы и передать посылки лично: зимой-то работы у лесных жителей почти нет, только шитье да охота. А Андросий Кузьмич мне отпуск на январь предложил: мол, съездишь среди зимы куда-нибудь на море, солнца хлебнешь и обратно в уральские холода.

– Хорошая идея, – улыбнулся Олег. – Я бы не отказался встретить Новый год где-нибудь на жарком пляже южного полушария.

– А что мешает? – спросила Аня.

– Да, в принципе, ничего, – пожал плечами мужчина. – Пожалуй, в этом году так и сделаю. Но покамест мне работа интересна. Сейчас снова пойдем посылки разносить?

– Не-а, – зевнула Аня. – Раз уж нас никто не гонит, то зачем? Лучше документы по-человечески оформить. А то я в прошлом месяце все копила, копила эти бланки. Потом заболела. А потом Андросий Кузьмич пришел и говорит такой, мол, нечего в постели разлеживаться, давай отчеты быстро, мне в центр ехать надо.

– У меня тоже такое бывало, – понимающе кивнул Олег. – Но отчеты ведь можно и вечером, нет? Я бы еще походил по

адресам. И в деревни тоже хочется скататься. Всегда мечтал поработать, что называется, «в поле»: тут все такое забавное, как в музее.

– Что, трудовой энтузиазм проснулся? – усмехнулась Аня.
– Тогда вот тебе музейный образец сводной ведомости, иди и тренируйся.

Она стянула с полки таблицы, распечатанные когда-то в щедрой советской типографии в таких несметных количествах, что хватило и по сей день. Более того: у хозяйственного Андросия Кузьмича этого добра было еще много – на несколько десятков лет вперед.

– Слушай, а в цифровом виде никак? – сразу скис Олег при виде этой линованной жути.

– Купишь компьютер, напишешь программу, научишь меня, и тогда мы сразу перейдем на цифровой формат, – пообещала Аня. – А пока пишем вручную. Ты свою кипу бланков обрабатывай, я свою буду. Потом ведомости сведем, сделаем общую, откопируем, и в оба наши ведомства одинаковые пришлем: пусть думают, что это мы не вдвоем столько развозим, а каждый по отдельности.

Спустя полчаса работы в «идеальном» Олеге Андреевиче, как и ожидалось, нашелся первый изъян: он совершенно не умел работать с бумагами.

Наспех заполненные разнообразными почерками эльфов бланки уже через пять минут вызвали у него раздражение, приступ перфекционизма и желание сделать новую форму

– удобную и без лишних граф. Кроме того, некоторые подопечные с русской речью (особенно письменной) совсем не дружили, и разбирать их каракули было особенно тяжело.

У Ани в этом плане была огромная фора: на прошлой работе на ее долю выпала оцифровка некоторых бумаг, заполненных вручную, и она поднаторела в расшифровке почерков. К тому же, и на этой работе она уже успела попривыкнуть к отчетности, и делала все быстро и без эмоциональных затрат на бесполезное раздражение.

Олег же на каждом новом бланке хватался за голову и принимался вслух зачитывать эльфийские перлы:

От кого: «ат Игория Тугалукава, сына Хельвы Тугалукава, сына Осна Тугалукава, сына Аймы Пересветной из Жабьей лужи». Кому: «Нифачке Алтуньевай, маей любви нигасимай». Содержимое посылки: «елексир ножный, для добрага здравия».

И прочее в том же духе. Аня, конечно, посмеивалась – сама в прошлом месяце с Игорем до слез ухахатывалась над такой документацией, но сейчас уже попривыкла, и спокойно совмещала слушание и заполнение бумаг.

В общем, со своей частью работы девушка, разумеется, справилась куда быстрее. Отложила отчет на край стола, облегченно вздохнула, с приятным чувством выполненного долга глянула за окошко и наконец увидела там мальчишеский силуэт.

Игорь, похоже, решил устроить им бойкот, и, demonstra-

тивно повернувшись к «фельдъегерскому логову» задом, запускать воздушного змея с нарисованным на нем неприличным знаком. Ну хоть не психанул, не уехал на край света с какими-нибудь подозрительными байкерами, и на том спасибо. А то его матушка виновнице пропажи сына покою бы не дала.

– Олечка, не теряй меня, я до соседей схожу, – сказала Аня, вставая из-за стола и попутно подхватывая примирительную бутылку газировки, купленную у Галочки на обратном пути с работы.

Олег, будто не заметив, кивнул и продолжил корпеть над ведомостью, высунув от усердия язык. Еще один трудоголик.

Аня вышла.

– Эй, поднебесный житель! – окликнула она эльфа, перейдя улицу и остановившись у двухэтажного дома. – Как к тебе забраться?

Игорь сердито глянул на нее с высоты своей обиды. Хотел было ляпнуть что-то язвительное, но, видно, желание вернуть все как было оказалось сильнее:

– Забирайся по поленнице на сарай, – буркнул он. – Только держись за вон тот шест, а то свалишься еще. Будешь как тот алкоголик – с дырами по всему пузу.

Аня покосилась на подозрительно неровную поленницу: не развалится ли под ней? Но дровишки были уложены надежно и вплотную к стене. Аня, подтянув юбку, взобралась по поленнице, как по лесенке, перекинула ногу через край

крыши сарайчика и... повисла так, схватившись за выступ новенькой кровли: и наверх забраться сил не хватает, и обратно спуститься уже стыдно.

– Может, поможешь? – она многозначительно глянула на великовозрастного подростка снизу вверх.

– Симпатичные чулочки, – хмыкнул Игорь, но все-таки спустился по скату и помог ей взобраться на крышу.

– Что бы хорошее углядел, так нет же: чулочки на первом месте, – укоризненно сказала Аня, оправляя юбку, сменившую джинсы по причине резко улучшившейся погоды.

– А для кого ты их тогда надела? – парировал Игорь. – Если для себя, то надо было колготки покупать – они и теплее, и удобнее. Это я, если что, с маминых слов. А если для красоты, то чего тогда жалуешься, что кто-то эту красоту оценил? Кстати, подтяжечки к ним тоже классные. Или как эта штука называется?

– Чего? – возмутилась Аня. – Пояс для чулок она называется. Но ты никак не мог его видеть, юбка всего-то сантиметров на пятнадцать задрал... блин, Игорь! Опять!

– Я виноват, что ли, что ты шторы на окна забываешь задерживать? – тут же ушел в глухую оборону парень. – А в моей комнате окна на твой дом выходят. Что мне теперь, вообще в окно не смотреть?

– Вот и не смотрел бы! – возмущению Ани не было предела. – В сенях – Микола, в той половине – Олег, за окнами – ты. Где я вообще, по-вашему, должна переодеваться? Ё-

моё. Ё-моё!

– Да ладно тебе. – Игорь хитро прищурился. – Зато есть, кому оценить твою фигурку.

– Ты что, издеваешься? – Аня балансировала на грани возмущения и плаксивости. – Да я теперь... Я себя чувствую бесплатной стриптизершей после такого!

– Извини, – искренне покаялся парень. – Но, согласишься, любой нормальный мужик на моем месте отворачиваться бы не стал.

– Блин. – Аня закрыла лицо руками.

– Прости, – еще тише сказал Игорь. – Я больше не буду. Ну, хочешь, я лично каждый вечер буду заходить к тебе и задергивать шторы, чтоб никто не подглядывал?

– Все равно ты уже видел, – буркнула Аня, не отнимая рук, но в глубине души чувствуя, что теперь они, кажется, квиты. – И не удивлюсь, если не один раз.

– Да я всего-то мельком и увидал, – сказал Игорь, неловко пытаясь обхватить ее за плечи. – Что там те окошки – тьфу, крошечные совсем. Тут мелькнет, там. Честное слово, цельной картины не было. Но я бы посмотрел.

– Честно? – Аня раздвинула пальцы и посмотрела в щелочку.

– Честно, – заверил ее Игорь. – Честно не было и честно бы посмотрел. Хочешь, спустимся в мою комнату, я тебе покажу вид из окна?

– Не хочу, – сказала Аня и добавила чуть смущенно: – Я

твоей мамы побаиваюсь.

– Это у нее временно характер так испортился, – заверил девушку Игорь. – Маринка капризничает много, у нее зубки режутся, вот мама на всех и срывается. Она к тебе, вообще-то хорошо относится.

– Ну, не знаю. – Аня в сомнениях покачала головой: с Глафирой Дормидонтовной отношения у нее были не то чтобы напряженные, но уж точно не дружески-соседские.

– А ты чего пришла-то? – спохватился Игорь. – Случилось что?

– Да вот, мировую хотела предложить. – Аня продемонстрировала газировку.

– Газява. Пфф! – фыркнул Игорь, принимая бутылку. – Мириться надо бухлом.

– Еще чего, – возмутилась Аня. – Мал еще, чтобы бухать.

– Мы ровесники, – напомнил Игорь. – Ну да ладно. Газява так газява. Пойдем наверх, у меня там досочка – что-то вроде скамейки. Очень удобно.

Они взобрались по скользкому скату, цепляясь за неровности и друг друга. Поднялись на самую вершину, и на той стороне переката Аня действительно увидела неширокую досочку, одним краем упирающуюся в крышу, другим – в печную трубу.

Конструкция крыши скамейку явно не предусматривала, и Аня села на нее с большой осторожностью: а ну как их двойной вес сдвинет доску, и они попортят трубу? Извиняй-

ся потом перед Глафирой Дормидонтовной. Но ничего, труба выдержала.

– Как там твой Олень? В смысле Олег Андреевич, – с едва заметной ядовитой ноткой спросил Игорь, открывая бутылку. Напиток зашипел и обрызгал Ане щеку мелкими каплями.

– Парень как парень, – она пожала плечами и стерла сладкую пыль рукой. – Работает хорошо и не пристаёт, в отличие от некоторых.

– Сегодня не пристаёт, а завтра соскучится по женскому телу, выпьет да и завалится к тебе среди ночи. – Игорь отхлебнул из горлышка. – Знаем мы эту солдатню.

– Тогда я громко закричу, и ты примчишься на помощь. Так ведь? – Аня шутливо пихнула его в бок. – Мой личный рыцарь кепки и банданы. К тому же, в сенях всегда есть Микола, он меня в обиду не даст.

– Ну, так-то оно так, – нехотя признал Игорь, отдавая бутылку. – Но мне этот хлыщ все равно не нравится. Он весь какой-то... слишком чистенький. И форма у него с иголки, и туфли блестят, и стрижка свежая, и морда не по-людски гладковыбритая. Подозрительно. Как будто только недавно отштамповали.

– Военный же, – напомнила Аня, сделав большой глоток восхитительно сладкой химии. – Вот тебя в армию не берут, а там, между прочим, подобную аккуратность всем прививают. Забрали вальяжного пацана, вернули – статного мужчи-

ну. Тебе такому еще учиться и учиться.

– Больно надо, – фыркнул Игорь. – Я себя и так устраиваю. Что я, по-твоему, размазня? Грязнуля? Или воняю, как свинья?

– Да нет, вроде, хорошо пахнешь. – Аня проэкзаменовала чистоту его рубашки, уткнувшись носом в плечо парня. – Кондиционер с вербеной? Наверное, мама твоя выбирала. Я тоже люблю этот запах.

– А че сразу мама? – ошетинился Игорь. – Я сам свои вещи стираю. И глажу, если надо.

– Да я верю, не бесись, – остановила его Аня, примирительно ухватив под руку и снова протянув газировку. – Просто продемонстрировала, как даже в хороших вещах при желании получается углядеть что-нибудь, чем можно обидеть. Мне кажется, ты несправедлив к Олегу. Точнее, банально ревнуешь. Подружился бы с ним, а?

– Ну, ревную, и что? – признал Игорь чуть более громким голосом, чем следовало. – Почему ему можно в твоём доме жить, а мне нет?

– Потому что он тут ненадолго – исключительно до выяснения обстоятельств, – пояснила Аня. – А ты, если я правильно запомнила, обещался еще много лет меня преследовать. И посели я тебя в своём доме, ты бы первый без спросу ко мне среди ночи завалился, не так ли?

– Ну, это еще бабушка надвое сказала, – смутился Игорь, а Аня хмыкнула:

– А то я тебя не знаю. Вон, смотри, как у тебя мочки ушей сразу покраснели. Зуб даю, ты сейчас себе навоображал всякого, о чем лучше не знать.

– С тобой только воображать и остается, – вздохнул Игорь и уныло уткнул подбородок в колени, забравшись на скамейку вместе с грязными кедами.

Аня ничего не ответила на это двусмысленное заявление, только украдкой улыбнулась в бутылку. Игорь был, конечно, тот еще балбес. Но балбес свой, родной. С ним было уютно и спокойно. Не будь он в нее влюблен, Аня бы даже поделилась с ним подробностями сегодняшнего дня – а, точнее, интереснейшей встречей в доме на самом краю Косяковки.

Эвери так и не выходил у нее из головы. Стоило закрыть глаза, и сразу представлялся воротник халата, крепкая шея и стянутый старой резинкой хвост. А эти прозрачные глаза за идеально круглыми стеклами... Ах, прямо слабость в животе.

Аня с блаженной улыбкой прищурилась на облака.

– Ты что, влюбилась? – вдруг спросил Игорь, хмуро уставившись на ее мечтательную физиономию.

– Просто задумалась, – соврала девушка, хотя парень попал в точку.

И правда, влюбилась. Практически с первого взгляда. Ну ладно, со второго, не суть важно. Но какое все-таки приятное чувство.

Интересно, Эверий женат? И если нет, как он относится

к вопросу межрасовых отношений? И есть ли какая-нибудь разница между земными мужчинами и лесными жителями? Может, у них все как-нибудь по-другому устроено? Болтал же Игорь что-то про особенность, которую он, мол, только после свадьбы может показать.

Аня с любопытством окинула взглядом мальчишечью фигуру.

– Что ты на меня так смотришь? – Игорь даже смутился от этой пристальности в сочетании со странной улыбкой и блеском в глазах. – И вообще, ты сегодня какая-то не такая. Это все Олег. Он на тебя неправильно влияет.

– Дурачок. – Аня ухватила Игоря за шею и притянула к себе. – Все у меня хорошо. Не ищи особых причин для расстройств, когда все и так замечательно.

Она примирительно прижалась виском к его виску и мечтательно глянула на раскинувшийся внизу пейзаж.

Солнце начало клониться к закату, и некоторые стекла стоящих на другой улице домов отражали его лучи, слепя глаза. Тополя в Косяковке никто не обрезал, как в городе – превращая в «чупа-чупсы» – и они огромными зелеными шапками нависали над крышами, маскируя городок с воздуха. Большая часть домов в этой стороне была одноэтажной, и с крыши дома Игоря вид открывался потрясающий – ничем не хуже вида с какой-нибудь высоты.

– А помнишь ту ночь в «Высоцком» неделю назад? – вдруг припомнила Аня. – Ну, когда твой друг нас провел? Так кра-

сиво было. Я тогда злилась на тебя очень – за концерт на выписке. Не дала ни себе, ни тебе толком полюбоваться. Извини.

– Да ничего, – сказал Игорь. – Я, вообще-то насмотрелся уже: мы с ребятами там неделю бух... гуляли. Все одно, башня почти вся на карантин была закрыта. Просто тебе хотел показать. А ты ворчать стала.

– Дура была, признаю, – покаялась Аня. – Вид с пятидесяти третьего этажа и правда неплохой. Не знаю, может, с какой-нибудь Останкинской башни лучше, конечно. Но с Москвой-то все понятно: столица все-таки, всегда горит огнями. А вот от Екатеринбурга я не ожидала такой красоты.

– Да, – согласился Игорь. – Днем-то ничего особенного, зато ночной вид просто потрясающий. Все эти дорожки фонарей, подмигивающие огни на горизонте, горящие автостреды...

Он мечтательно улыбнулся.

– Особенно необычно было, когда кто-то внизу фейерверк запускал, помнишь? – сказала Аня. – Так странно было смотреть на салют сверху. Глянуть бы оттуда, как город выглядит в новогоднюю ночь: наверное, фейерверки в огромное живое кружево складываются.

– Я вообще не понимаю, почему большинству людей так нравится жить у земли, – признался Игорь. – Наверху и воздух чище, и солнца больше, и простора. Ты только глянь, какой вид!

Аня и так глядела во все глаза. Впереди стелилась бесконечная череда крыш. Все дома были одной высоты, а улочки и огороды, их разделявшие, под таким углом были почти не видны, так что казалось, будто по крышам можно гулять в свое удовольствие.

– Башню водонапорную видишь? – показал Игорь. – В той стороне ветер всегда в одну и ту же сторону дует: это из-за горы так получается, он там закручивается. И поздней осенью, когда и сыро, и холодно, башня покрывается ледяной коркой и на ней горизонтальные сосульки нарастают метра по два длиной, как в каком-нибудь фильме про постапокалипсис.

Парень осмотрелся, выглядывая еще что-нибудь интересное.

– А вон там раньше голубей держали, – продолжил он. – Их много-много было: белых, в основном. Но однажды ночью в голубятню забрался какой-то лесной зверь, и всех голубей перебил-передушил, только перышки оставил. Так эти белые перья потом долго еще по всей Косяковке летали, как снег среди лета.

– А там что? – Аня, не особенно интересовавшаяся судьбой голубятни, все это время высматривала дом Эверия, и обнаружила, что его загораживает какое-то стеклянное строение.

– Где? – не понял Игорь.

– Ну, вон там, где три тополя один другого выше, а потом

фонарный столб с птичьим гнездом наверху, – пояснила девушка. – Стеклянная такая штукавина.

– Теплица какая-то, – пожал плечами Игорь.

– Такого размера? – не поверила девушка.

– А что еще можно на огороде выстроить? – пояснил Игорь. – Ну, может, оранжерея. Ты присмотришь: внутри все зеленое.

– Я не так хорошо вижу, как ты, – призналась девушка. – Мне показалось, это какая-то научная штука.

– Обсерватория, что ли? – прищурился Игорь, разглядывая. – Да нифига. На теплицу больше похоже. Вон и бочка рядом, и куча навоза. А внутри то ли деревья, то ли кусты. Может, розы кто выращивает?

– Розы? На Урале? – не поверила Аня. – В зоне рискованного земледелия? Да у нас сегодня солнце светит, завтра мороз ударит – ни одна теплица не выдержит.

– Удивляюсь я тебе, – насмешливо улыбнулся Игорь. – Вроде, образованная девушка, столичный житель, а не в курсе, что теплицы и отапливать можно.

– Это слишком дорого, – не поверила Аня. – И света все равно мало, ни одни розы такого не выдержат.

– А как же Арамашево?

– А что Арамашево? – не поняла девушка.

– Там огромный тепличный комбинат – такого размера, что ты гулять по нему и то устанешь, – пояснил Игорь. – Они розы круглый год выращивают и продают. Даже в минус со-

рок.

– Seriously? – восхинулась Аня. – У нас, на Урале?

– Блин, ну ты даешь! – рассмеялся Игорь. – А кто мне в прошлом месяце доказывал, что «где родился – там и пригодился», а? Не ты ли? А теперь не веришь, что кто-то и правда на родном Урале «пригодился».

– Да нет, это я так, не ожидала просто, – смутилась девушка. – И что, покупают?

– Розы-то? – уточнил Игорь. – А то!

– И они прямо как зарубежные? И стоят долго? – все еще не верила Аня.

– Целый месяц, – заверил ее Игорь. – Я как-то маме на день рождения дарил. Осыпаются, конечно, потихонечку. Но зато пахнут на весь дом.

– Здорово, – восхинулась девушка. – Я люблю, когда пахнут.

– У нас тут, вообще-то, много умельцев разных, – не без гордости сказал Игорь. – И бизнесмены тоже имеются. Только им толком проходу не дают. Всем же выгода нужна. Ну, чтоб вложил 10 рублей, а получил 100. А на Урале так не бывает. Тут вкладываешь 10, а получаешь 10,5. Еще и не верит тебе никто, что продукт качественный.

Он возмущенно покачал головой и пояснил:

– У нас ведь как считается: если свое, значит, так себе, второсортное. Вырастит какой-нибудь предприниматель огурцы, на прилавки выставит, а народ сразу: фе, да чего они

такие кривые, да почему с пятнышком желтым? Пойду, мол, лучше в гипермаркет, там импортные, ровненькие. И не думают даже, что они «ровненькие», потому что всякими химикатами напичканы. Вот ты какие бы огурцы купила? Свои кривые или зарубежные ровненькие?

– Ну... – замялась Аня. – А что бы «нашему предпринимателю» не вырастить тоже ровненькие? Я, конечно, против всякой химии, но можно же хотя бы выборку лучше делать.

– А «кривые» на выброс пойдут, да? – хмыкнул Игорь. – Как же он тогда прибыль будет получать?

– Ну, пусть продает подороже, – пожала плечами Аня.

– Чтобы его совсем перестали покупать? – Игорь приподнял бровь, уже чувствуя близость своей победы в этом споре.

– Значит, рекламную кампанию хорошую надо запустить, – не сдавалась Аня. – Пусть все знают, что у него продукция экологически чистая.

– А кто ему денег даст на рекламную кампанию? – парировал Игорь.

– Кредит пусть возьмет, – пожала плечами девушка, которая, вообще-то, не сильна была в бизнесе.

– Под 25%? Под залог собственного же бизнеса? – прищурился Игорь. – Ты хоть представляешь, какие это деньги, и как они не сравнимы с доходами уральского обывателя?

– Ой, да не знаю я! – сдалась девушка. – Чего ты пристал со своими предпринимателями?

– Вот. И никто не знает, – удовлетворенно сказал Игорь.

– Там, в столицах, даже представить себе не могут, на какие гроши тут люди жить умудряются. А у нас, в провинции, даже представить не могут, что свое дело и правда можно организовать. Вот если б пара десятков предпринимателей, скажем, из той же Москвы со своими капиталами переехала сюда, в глушь, они бы быстренько подняли нашу Косяковку на ноги, но кто ж поедет?

– У меня такое чувство, что это не твои слова, а мои, – пожевав губу, заметила девушка. – Ты, помнится, сбежать отсюда торопился. В Гарвард или в Екатеринбург.

– А что такого в том, что я к людям прислушиваюсь? – сказал Игорь. – Да, меня задело, что ты тут прикатила, вся такая столичная штучка, и давай нам в глаза тыкать тем, какие мы все чукчи необразованные.

– Что, прямо так и выглядело? – Аня покраснела, припомнив свою первую неделю в Косяковке.

– Ну, я утрирую, конечно, – смягчился Игорь. – Но вообще да, неприятно было. И я как-то тогда впервые задумался, что и сам Косяковку не очень-то уважаю и жить здесь всю жизнь не горю желанием. Теперь еще этот Олень... Ходит гоголем, на всех сверху вниз поглядывает, мол, я тут элита, а вы так, маргиналы.

– Да ну что ты. – Аня попыталась выгородить нового коллегу. – Ему тут все очень даже нравится.

– Ага, как в музее древностей, – неприятно ощерился Игорь. – Зачем он вообще сюда приехал? Ему тут не место.

Он не «наш», понимаешь? Ты-то хоть родилась тут, а он – сбоку припека.

– Ты просто ревнуешь, – отмахнулась девушка. – Вам надо подружиться, и все пройдет. Мы ж теперь вроде как целая курьерская компания, можем корпоративные тренинги устраивать на сплоченность коллектива. Вот заходи после ужина, в карты сыграем. В дурака.

– На раздевание? – хмыкнул Игорь. – Хороший тренинг, мне нравится.

– Еще чего, – возмутилась Аня, окончательно беря себя в руки. – Если так, то с тебя один «бесплатный» проигрыш: больно много видел. Ну, или помощь в атаке на врага: вдвоем сто процентов побьем Олега.

– Да ну, – фыркнул парень. – Еще я мужской стриптиз не смотрел. Против тебя играть интереснее. Это тот случай, когда я готов заключить временное перемирие из мужской солидарности.

– Посмотрим. У меня еще где-то «Монополия» валялась, – припомнила Аня. – В общем, приходи, хватит уже обижаться.

– Приду, – пообещал он.

Но приятного вечера в компании ничем не обремененных молодых людей у Ани не получилось. Стоило девушке зайти в дом, как она сразу поняла: что-то не так. И запах другой,

и вообще, атмосфера какая-то строгая.

– А, Нюрочка, добрый вечер! – услышала она, войдя в комнату.

– Теть Марина, я же просила меня так не называть, – вздохнула Аня, сразу поняв, в чем тут дело. – «Нюра» – это так по-деревенски. Ах, да, добрый вечер.

Она обреченно села на диван и сложила руки на коленях, сразу почувствовав себя неуютно, будто в гости зашла: тетя Марина всегда создавала в помещении некий ореол строгости и вежливости. Наверное, профессия накладывала свой отпечаток: Марина Афанасьевна больше сорока лет проработала сначала учителем, а затем завучем в школе. Так что Аня рядом с ней всегда непроизвольно чувствовала себя нашкодившим школьником.

Зато сама двоюродная бабушка расположилась очень даже комфортно: уже успела вскипятить чайник, припрятать ни в чем не повинного Миколу к изготовлению бутербродов и даже украсить стол вязаными салфеточками.

– Хорошо, не буду, – улыбнулась женщина, расставляя изящные фарфоровые чашки.

Что? Чашки? В этом доме был фарфор?

– А что это вы без предупреждения? – спросила Аня и тут же спохватилась: – В смысле, я не против, конечно, но это на вас так не похоже.

– А ты бы телефон свой заряжала хоть иногда, – укоризненно глянула на нее женщина. – Звоню-звоню, а на том кон-

це все «абонент временно не абонент». Я ведь переживаю. Тем более, у тебя тут такие события.

– Вы про убийство? – переспросила Аня. – Так там ничего серьезного: просто какого-то алкоголика свои же порезали.

– Нет, я про мужчину, – пояснила тетя Марина, понизив голос, и кивнула на дверь во вторую половину дома, где чем-то шуршал Олег. В тот же момент дверь открылась, и молодой человек вошел в комнату, держа под мышкой металлически гремящий ящик.

– Вот, Марина Афанасьевна, наточил, – сказал он, поставив его на стол возле женщины. – Все девять штук.

– Спасибо, Олеженька, – улыбнулась женщина и потрепала нового жильца по плечу. – Вот что значит мужик в доме.

– Да меня, вообще-то, и Микола устраивал, – едва слышно буркнула Аня, распознав камень в свой огород.

– А ты бы, Анечка, получше следила за домом-то, – укоризненно глянула на нее тетка, отличавшаяся слишком хорошим для ее возраста слухом. – Как-то у тебя тут неуютно.

Марина Афанасьевна многозначительно оглядела заваленные дядюшкиным хламом полки, хотя сама же еще в прошлом месяце хвалила внучатую племянницу за то, что та не выбросила коллекцию дяди Володи.

Вообще-то, Аня и правда планировала вначале разобрать все это и разнести по музеям, свалкам и пунктам приема всякого хлама, но вначале было некогда, потом лень, потом хлам перестал бросаться в глаза, а теперь она уже и не представля-

ла себе своего дома без этого странного антуража. Тем более, что во время ремонта ее неутомимая команда все перебрала, почистила от пыли, и с тех пор коллекция действительно напоминала арт-инсталляцию, а не кучу мусора.

– И пол бы помыть не помешало, – сказала тетя Марина, пошевелив пальцами ног в ажурных тапках.

И где только взяла? С собой, что ли, принесла?

– Игорь на прошлой неделе мыл, – заметила Аня, которую чистота пола вполне устраивала. Тем более, что подросткового за месяц Тобика в дом больше не пускали, и он перестал притаскивать на шерсти всякий мусор и выкусывать его, лежа под столом.

– А окна почему такие грязные? – тетка укоризненно поджала губы, покосившись на стекла.

– Через них все и так слишком хорошо видно, – буркнула девушка, припомнив свой невольный стриптиз.

– Ну хоть посуду-то можно начисто отмыть, – не сдавалась женщина. – Я к тебе на кухню зашла – там жуть, что творится. Все жирное, с разводами, с коричневыми кругами на дне.

– Я туда вообще не захожу, – попыталась откреститься Аня. – Это территория Миколы. А посудомойку мы еще не подключили. Дядя Боря обещал на следующей неделе с напором воды похимичить.

– Аня, – женщина посуровела окончательно. – Ты вообще хоть что-нибудь по дому делаешь?

– Белье стираю, – сказала девушка. – Форму глажу.

– Отпаривателем? – тетя Марина посмотрела на нее, как на калеку.

– Для гладильной доски тут места нет, – ответила Аня и поежилась. Ну до чего же некоторые любят лезть в чужую жизнь! Если всех все устраивает, то зачем напрягаться?

– Совсем ты от рук отбилась в этой своей Москве, – покачала головой женщина. – Пришло время всерьез за тебя взяться.

– Тетя Марина, не начинайте, – взмолилась девушка. – Все у меня хорошо.

– Ты теперь не одна, – заметила женщина, многозначительно поглядев на стоящего по стойке «смирно» Олега: судя по виду, изо всех сил сдерживающего смех. – Пора научиться вести себя, как подобает хорошей хозяйке.

– ДОМОхозяйке, вы хотели сказать? – перестав разыгрывать из себя послушную девочку, сказала Аня, окончательно выведенная из себя. – Так спешу вам сообщить: этот сорт женщин вымер вместе со своей эпохой. Теперь понятие «домохозяйка» – нечто сродни «лентяйка, не способная самореализоваться в обществе». Для уборки есть клининговые компании, для воспитания детей – няни. Зачем сливать все в одну кучу и пытаться тащить на своем горбу? Я хорошо зарабатываю, могу себе позволить.

– То-то, я гляжу, твоя самореализация довела тебя до такой жизни, что ты уже ни обед приготовить, ни пол помыть без посторонней помощи не можешь, – не выдержала тетка.

– Время ужина, у тебя мужчина голодный дома, а ты с пацанами по крышам лазаешь. Да еще и в рабочей одежде!

– В ней тепло, – пояснила Аня, снимая китель, в котором было уже не только тепло, но и жарко: лето все-таки решило наступить, хотя бы в июле.

– Аня! – строго окрикнула ее женщина. – Не позорь семью. Зеленолист ты или нет, в конце-то концов!

– Ой, вот только не надо, – девушка всплеснула руками. – Сейчас опять начнется про честь рода, про седьмое колено... Да я от рождения позор семьи – нагулянное дитяtko, не признанное ни родным отцом, ни отчимом!

– Аня! – ужаснулась женщина, взглядом показывая, что при постороннем человеке такие разговоры вести не след.

– Что «Аня»? Я тридцать лет Аня, – возмутилась девушка. – И люблю себя такой, какая есть. Хватит из меня принцессу делать: «Слуги, подайте лапти!». Лично меня все и так устраивает. Я, может, в биологического папеньку пошла. Не расскажешь, кстати, кем он был?

– Никогда так больше не говори, – тетя Марина поджала губы и сбавила громкость. – Муж твоей матушки тебя любил.

– Любил, ага, – кисло ответила Аня. – А фамилию не дал. И отчество тоже. Позорище.

– Это все условности, – женщина попыталась вернуть разговор обратно в спокойное русло. – Другое время, другие привычки. Если б твоя мама... если б она вела себя аккуратнее, никто бы даже не узнал. Но она – ну прямо как ты – все

по-своему делать хотела. Развода требовала, из дома ушла. Это же Косяковка, тут нельзя так, понимаешь? Такое просто так не скроешь. Вот и записали тебя под дедову фамилию да материно имя. Но разве твой отец тебя не любил? Твой отчим, то есть.

– Любил, – вынужденно признала Аня, потому что и впрямь неплохо с ним ладила.

– Разве он тебе все, что нажил, не оставил после смерти? – не сдавалась тетка.

– Оставил, – вздохнула Аня. Хотя она уже успела все потратить в Москве, когда устраивалась.

– Так что ж ты его позоришь-то? – тетя Марина скрестила руки на груди и укоризненно глянула на внучатую племянницу.

Аня вздохнула, не поднимая глаз. Олег едва слышно про-чистил горло: ему было неловко оказаться свидетелем семейных разборок, но еще более неловким он счел вмешиваться в чужой спор, и потому продолжал стоять и молчать, делая вид, что очень заинтересован росписью на потолке.

– Это не так важно, что фамилия у тебя не отцова, – куда более мягким тоном сказала тетя Марина, еще надеясь переубедить племянницу. – Зато ты Зеленолист. Не по отцу, но по матери, деду и прадеду – так даже лучше.

– Чем это? – хмыкнула Аня.

– Батюшка у меня знаешь, каким хорошим человеком был? – ответила женщина. – Да его по всей Косяковке знали

и уважали, по всем селам и деревням в округе. Даже когда трудные времена были, у односельчан рука не поднялась его раскулачить – так уважали. В доме у него всегда чисто было, уютно, сытно. Гостей привечали, людям помогали. А ты пол помыть ленишься!

– Тетя Марина, ну вы теплое и мягкое под одну гребенку гребете, – возмутилась Аня. – Это ж не он сам у себя в доме чистоту наводил, а жена его. И сдается мне, жизнь у нее была не сахар. Почему я должна изображать из себя непонятно что? Ну, молодец мой прадедушка Афанасий, что тут сказать. Только он – ты уж прости – давно умер, и жаловаться на нерадивую правнучку не будет.

– Так потому и важно честь рода хранить, что предки уходят, а их потомки остаются! – с жаром сказала тетя Марина. – Ты даже не представляешь, какой ты уникальный человек! Ты же... ты... Ах, да что я тебе буду рассказывать.

Тетка разочарованно махнула рукой и покачала головой. Аня почувствовала, что тетушка сдалась, и самодовольно улыбнулась.

– Я сама себя делаю, – с гордостью сказала она. – Вот, фельдъегерем устроилась. Теперь меня в родной Косяковке все знают и уважают. Знаешь, каких трудов мне это стоило?

– Нашла, над чем трудиться, – вздохнула женщина. – Я ей твержу-твержу, а она не слышит. Да ты это уважение еще в пеленках заслужила, благодаря одним только предкам. Зачем было заново его завоевывать? Тоже мне, изобретатель-

ница велосипеда.

– Ой, тетя, ну правда, хватит уже носиться с этой честью рода, – скривилась Аня. – Ну, были наши предки богатыми крестьянами, и что? Ладно бы царского рода или хоть дворянами, а то ведь так, кулаки деревенские.

– Голова у тебя, как кулак деревенский: большая, да без извилин, – окончательно вышла из себя женщина. – А отец мой, и дед, и отец деда – все были людьми высокого положения, королевскими интендантами!

– Теть, ты чего, женских романов обчиталась? – насмешливо прищурилась на нее Аня. – В старой России таких должностей не было и быть не... Та-а-к. Погоди. А вот с этого места поподробнее.

Аню вдруг озарила интересная мысль. Королей на Руси не было. Но именно что НА РУСИ. А нерусей тут полный лес. И двоюродная тетушка как-то подозрительно бодро выглядит для своего возраста.

– Ни к чему тебе подробности, – женщина обиженно поджала губы. – Не уважаешь ты предков.

– А у этих «предков», случайно, с ушами проблем не было? – подозрительно прищурилась девушка.

Женщина не ответила, только оскорбленно уставилась в окно.

– Тетушка? – настойчиво обратилась к ней Аня.

– Все. Я ухожу, – сказала тетя Марина, поднимаясь со стула. – Не нужна тебе моя помощь, ну и ладно. Не больно-то

и хотелось.

– Эй! Тетя Марина, постойте! – Аня подорвалась следом за ней, повисла у тетки на локте и вгляделась в уши женщины. Как назло, кончики их прятались в пышной причёске, но форма все-таки была обычной. С другой стороны, шрамы могли быть и маленькими.

– Пусти! – тетя Марина потянула руку.

– Он был эльфом, да? – не унималась внучатая племянница.

– Не знаю, о чем ты говоришь, – женщина поджала губы и еще раз попыталась пойти в сторону выхода, но Аня держала крепко.

– И вы эльфийка? – будто не слыша ее, продолжала Аня.

– А уши что? Вы их обрезали, да?

– Ничего я не обрезала, вот еще! – воскликнула женщина, все-таки оборачиваясь к племяннице, чтобы одарить ее возмущенным взглядом. – Позор тем, кто не ценит подарков, доставшихся по наследству.

Она гордо вскинула голову.

– Но мой прадед, он ведь эльфом был, так? Не томите, тётъ Марин! Вы все равно уже проговорились! – взмолилась Аня.

Тетушка тяжело вздохнула. Потом, покосившись на так и стоящего у стола Олега, коротко сказала:

– Да. И больше не спрашивай меня об этом.

– Но если ваш отец – эльф, почему же у вас уши обычные? – не поверила Аня.

– Потому что я в мать пошла, – тетушка обиженно поджала губы. – Не задавай глупых вопросов. Могла бы и сама догадаться.

– То есть, вы от смешанного брака? – уточнила Аня. – Круто. Игорю понравится.

– Не вздумай об этом болтать! – возмутилась женщина. – Скольких усилий нам стоило когда-то скрыть все это.

– Скрыть? – удивилась Аня. – А зачем?

– Чтоб свои же не убили, когда революция случилась! – пояснила тетушка. – В момент гибели Йельва дед только-только въехал в «Голубые ветви» для ревизии, и его тут же с толпой увлекло в Зияние. Как попал на Русь, его тут барин местный принял и устроил – из сочувствия. Дружили тесно, дела вели. Это потом уже красноармейцы всех дворян... эх...

Женщина махнула рукой, не желая продолжать.

– Я в шоке. – У Ани даже бровь дернулась. – Прикольно. То есть, ты наполовину иномирная элита, да? А я? Ну-ка, погоди, посчитаю, насколько я эльф. Так, дед мой, значит, тоже наполовину. Мать – уже на четверть.

– На три четверти, – с нажимом поправила тетя Марина. – Твой дед взял жену из Озерных.

– Серьезно? На три четверти? – Аня выпучила глаза. – Но у нее же обычные уши были, нет?

– Она, как и я, пошла в твою прабабку, – сухогато заметила тетка. – Обидно, но что теперь делать? Моему отцу вы-

бирать было особенно не из кого, как ты понимаешь. Или эльфийские крестьянки, или местная дворянка.

– А к дворянке приданое дворянское прилагалось, – ехидно-понимающе кивнула Аня. – И связи соответствующие в чужом государстве.

– Деньги тут не главное, – вспыхнула тетя Марина. – Честь рода важнее.

– Ну да, ну да, я поняла, – не стала спорить девушка. – А дедушка мой, значит, в отличие от прадеда, финансовой составляющей был удовлетворен, а генетической – нет, и же-ну взял из «ушастых», чтобы, так сказать, вернуть крови высокий процент аутентичности. И вышла у него моя трехчетвертная матушка и ее брат, дядя Володя. Он тоже без эльфийских ушей был? Или обрезал?

– Он от другой женщины, – нехотя призналась тетушка. – Только на четверть эльф.

– Все интереснее и интереснее, – восхитилась Аня. – А можно мне эту «Санту Барбару» на бумажке записать? А то я вот-вот запутаюсь. Так что там с моим процентом? Если мама была на три четверти, то я... эмм... на три восьмых эльфийка?

Девушка вопросительно уставилась на тетку в ожидании намека, кем же был родной отец. Повисла напряженная тишина. Тетушка пожевала губу, вздохнула и нехотя призналась:

– На семь.

– Bravo! – со стороны окна раздались сухие аплодисменты. – Я давно уже чувствовал, что есть в тебе что-то от наших. Но чтоб аристократических кровей – это вообще улет. Маме скажу, она мимо стула сядет.

– Игорь, ты опять подслушиваешь! – возмутилась Аня, оглянувшись и обнаружив в окне запоздавшего зрителя.

– А что: ему можно, а мне нет? – парень возмущенно ткнул пальцем в сторону Олега.

Тот широко открыл глаза и развел руки, будто говоря: «Кто? Я? Да я тут вообще мимо проходил». За все время разговора он даже не шевельнулся.

– О, боже, – тетя Марина прикрыла глаза и картинно повалилась на диванчик. Тот жалобно скрипнул под ее весом.

– Ваше Высочество. – Игорь спрыгнул с подоконника и игриво преклонил колено перед Аней. – Позвольте выразить свое восхищение.

– Аристократических кровей, а не королевских, – заметила девушка, делая ему знак встать и не собирать пыль с пола. – И, к тому же, всего-то на одну восьмую, на остальные семь – крестьянка. Но вот зачем было все это скрывать, непонятно.

Аня укоризненно глянула на тетушку.

– Времена были такие, – вздохнула женщина, поняв, что все ждут от нее пояснений. – Это сейчас вам все хиханьки да хаханьки. А ведь было время, когда за одну только принадлежность к дворянскому роду могли расстрелять. Хорошо,

отец никогда этим не злоупотреблял, и односельчане промолчали.

– Но сейчас-то зачем об этом молчать? – не понял Игорь. – Сейчас, наоборот, модно иметь в предках всяких известных людей или королевских бастардов. Круто же!

– Сегодня модно, а завтра тебя за это в темном переулке камнями забьют, – нахмурилась женщина. – Уж мне поверьте, я на этом свете давно живу. Сегодня одни у власти, завтра – другие. Не угадаешь. А вот честь родовую блюсти – это важнее моды.

– Честь? – Аня снисходительно скривила губы. – Серьезно? Моя прабабка была взята в жены из-за денег и связей. Моя бабка – ради чистоты крови. Моя мать и вовсе меня неизвестно с кем нагуляла. Кстати, как хоть звали-то моего настоящего отца, не скажешь?

– Не надо его никак звать, – поджала губы женщина. – Козел он и индюк напыщенный. Одно слово – деревенщина. Никаких понятий о чести.

– То есть, не скажешь, – сделала свой вывод Аня.

– И не подумаю, – женщина снова возмущенно скрестила на груди руки. – Он мою племянницу опозорил на всю Косяковку. Так пусть его имя бурьяном зарастет. И ты не спрашивай про отчество, носи материно имя. Смеются над таким только плебеи, родства не знающие!

На это веское слово никто не нашел, что ответить. Присутствующие переглянулись. Всем, кроме Игоря, было немного

неловко. Аня вздохнула, но строго ответила тетке:

– Честь честью, а пол я мыть все равно не люблю. И как привычка драить все вручную связана с дворянскими корнями, хоть убей, не понимаю.

Глава 4. Велоадреналин

На следующее утро, приведя себя в порядок после завтрака, девушка еще долго смотрелась в зеркало, не торопясь отправляться на обход. Поворачивалась так и эдак, разглядывала уши. Отражение было привычным, таким же, как всегда. А вот знание об особе, смотрящейся в зеркало, кардинально переменялось.

– Ты видишь тут хоть одну эльфийскую черту? – спросила она у зависшего в смартфоне Олега, ожидающего, пока она закончит, и продемонстрировала ему свое лицо.

– Честно говоря, я вообще не особенно хорошо отличаю эльфов от людей, – признался он, выныривая из плена соцсетей.

– Нет, я все-таки не понимаю: на семь восьмых быть эльфом и умудриться унаследовать человеческие черты от единственной прабабки-землянки, – вздохнула Аня. – Это вообще как?

– Тебя это расстраивает? – Олег вскинул брови.

– Даже не знаю, – пожала плечами Аня, снова поворачиваясь к зеркалу. – Нет, пожалуй. С длинными ушами мне жилось бы еще труднее. Просто это еще одно свидетельство, что я по жизни неудачница.

– А может, наоборот? – Олег подошел и встал рядом, тоже заглядывая в старое зеркало, по краям уже сильно отшелу-

шившееся. – Обычные люди попадают в большинство, а ты – в процент уникальности. Будь соотношение человек-эльф не семь восьмых, а одна восьмая, тебе бы повезло родиться длинноухой. Это ведь хорошо: значит, тебе по жизни везет на все уникальное.

– На уникальные неприятности мне везет, – вздохнула Аня. – Что там твое начальство, еще не разобралось с вопросом дубликата должности?

– Пока нет. – Олег покачал головой. – Так что продолжаем трудовую деятельность, делая вид, что все нормально. Может, сегодня в «Голубые ветви» съездим? Я так давно в лесу не был.

– В прошлом месяце к ним приезжали, потерпят, – отмахнулась Аня. – Туда и посылок почти нет. Лучше городские маршруты обойдем, а то все эти бесконечные «гостинцы» сбежавшим из леса внукам скоро испортятся. Тебе женщин, мне – мужчин.

– Нет, давай наоборот, – нахмурился Виктор.

– А чего так? – удивилась Аня. – Не любишь женщин?

– Да нет, люблю, но... – он замялся. – ... за тебя немного беспокоюсь. Знаешь, мужики ведь всякие бывают. Тем более, в деревне пьющих много. Сама говорила, что у вас тут и убийства случаются. Посмотри: ты вон какая хрупкая. А я все-таки военный, при оружии опять же. На меня никто не кинется.

– Да и на меня пока никто не покушался, – улыбнулась

Аня. – Не беспокойся так: проработала же я как-то целый месяц и с мужчинами, и с женщинами, и ничего. Нет, конечно, бывали случаи, что привязывались всякие странные личности, но так, несерьезно: по большей части клеиться пытались. Но чтоб нападать – ни-ни. Да и Игорь снова в строю, вдвоем уж как-нибудь отобьемся.

– Все равно, давай я лучше мужиков на себя возьму, ладно? – без всякой улыбки в глазах сказал Олег. – Мне так спокойнее будет.

– Ну, хорошо, – немного подумав, согласилась Аня. – Дело твое.

Денек выдался замечательный – еще лучше, чем вчера. Ветер разогнал тучи, и июльское солнце принялось торопливо прогревать озябшую землю. Воздух был еще очень свеж, но китель снять уже хотелось. По крайней мере, расстегнуть, но Аня после болезни предпочла не рисковать и побережься.

– А почему только женщины? – нахмурился Игорь, поворачивая велосипед в сторону заранее намеченного маршрута. – Мне кажется, поделить посылки по географическому признаку было бы правильнее: тебе, предположим, ближнюю половину, Оленю – дальнюю. Чем ему бабы не угодили?

– Мы вчера так поделили – случайно получилось, – пояснила Аня. – Он вначале обе сумки нес – они тяжелые были. А потом посылок мало осталось, и мы решили их разделить, чтобы быстрее было. Но, знаешь, разбираться, какой дом в

какой стороне находится – это долго. Тем более, что карту я с собой не брала. А вот раскидать посылки на две кучки по половой принадлежности адресатов – это быстро. Так и поделили. Я сегодня предложила ему поменяться: мол, тебе женщин, мне – мужчин. А он отказался. Сказал, что беспокоится за меня.

– Хм. – Игорь сощурился и поиграл желваками. – Не нравится мне это. Как будто соперников устраняет. Услышал вчера, что ты из наших, да еще и на две восьмых аристократка, вот и положил глаз.

– Ой, Игорь, не мели ерунды, – отмахнулась Аня. – Он мне даже комплиментов не говорит, глазки не строит. Так, чисто по-соседски проявляет обычную вежливую заботу. Что ты все ищешь в нем какие-то тайны? Да он прост и понятен, как Микола, даром, что интеллигент.

– Вот это-то и странно, – сказал Игорь, подкатывая к первому пункту доставки. – Свалился, как снег на голову. С документами у него – путаница. Сам из себя весь такой простой и понятный. Ну как будто прикидывается, ей-богу! Может, он давно уже знал, что ты из особенного рода, и таким образом просто втирается в доверие? И ведь это работает: посмотри, ты его даже выгораживаешь.

– Потому что ты чушь какую-то несешь и банально ревнуешь, – заметила Аня. – И вообще, опять на пустом месте тайны раскапываешь, Шерлок несчастный. Давай уже работой займемся.

– Все равно: он мне не нравится, – буркнул Игорь, но спорить не стал.

Они отнесли по адресу пачку веников для бани, корзину сушеной прошлогодней клюквы, самодельную шапку из беличьего меха, туесок кедровых орехов, бутылъ лесной самогонки, вышитый рушник и набор глиняной посуды откровенно кустарного качества. На этом посылки по выбранному направлению закончились, как и письма, которые почти все были на те же адреса. Оставалось только заехать на почту и получить заказанный на Анино имя плоскорез Фокина и прикупить по просьбе одного дедка из «Голубых ветвей» три килограмма гвоздей.

Почта была недалеко, а они оказались в самом конце одной из тех улиц, что почти не пересекаются другими переулками, так что Игорь предложил:

– Махнем через завод? Так быстрее будет, чем возвращаться, а потом опять в сторону реки ехать.

– А пустят? – усомнилась Аня, на памяти которой закрывшийся завод был еще охраняемым объектом. Правда, уже с разбитыми окнами.

– Ой, да там все ходят, – заверил ее Игорь, с силой давя на педали, чтобы набрать скорость. – Покажу тебе заодно мое любимое место: вид на речку потрясающий. Ну и сами развалины, само собой, прикольные. Вообще, люблю индустриальные пейзажи.

Аня такие места тоже любила, так что они не просто сре-

зали путь, а устроили себе экскурсию на брошенный завод.

За то время, что девушка жила в Москве, старое здание не только лишилось охраны, но и быстренько пришло в негодность: местные растащили из него бесхозное содержимое, стекла, кирпичи (где смогли отковырять, конечно). Дошло дело и до распиливания арматуры на лом, но тут уже вмешались власти: не заметить на «брошенке» работающую технику было трудно.

Вокруг завода построили хлипкий заборчик, а на заборчик повесили табличку: мол, здание является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО и представляет собой уникальный образец старинного завода. Местные на время устыдились: в кои-то веки в их родном городе появилось хоть что-то, интересное миру. Но ненадолго: забор, представлявший для любителей «прихватизации» куда больший интерес, нежели древний завод, был полностью разобран уже через месяц. Благодаря этому, собственно, Игорь и Аня въехали на территорию без особых проблем.

Место было очень живописное. Старая часть завода – та самая, благодаря которой он и попал под опеку ЮНЭСКО, располагалась у самого склона. Она была совершенно цела, так как кладка была выполнена еще в царские времена и держалась насмерть, металлические конструкции были настолько могучими, что ржавчине предстояло еще не один век их точить, а медные фрагменты так ловко маскировались коррозийной зеленью под мох, что об их существовании никто

и не догадывался. Кроме энтузиастов вроде Игоря, разумеется.

Аня полюбовалась хитросплетением металлических конструкций непонятного назначения, примерилась к чудовищного размера лестнице, но лезть наверх побоялась, хотя Игорь и предлагал. В отличие от несущих конструкций, перекладины ступеней проржавели напрочь, и в некоторых местах лестница была уже дырявой, так что подобная экспедиция почти наверняка закончилась бы падением с большой высоты.

Зато девушка с удовольствием посидела внутри треснувшего колокола, оставленного заводчанами на переплавку, да так и не переплавленного ввиду трудностей распиливания, не без помощи Игоря устроила себе шикарную фотосессию в стиле «постапокалипсис» в руинах горячего цеха и стала обладательницей старинной ременной бляхи, невесть как завалившейся в щель между кирпичами. Они даже организовали себе пикник, взобравшись на вершину единственной полностью уцелевшей стены: у Игоря в карманах нашлись мармеладные «червячки», а у Ани в сумке – хлеб, подсунутый заботливым Миколой.

– Отличное место для катания на велосипеде, – сказал Игорь, поглядев сверху вниз на склон холма. – Кстати, вон та тропинка как раз ведет от реки к клубу и почте. Рискнем?

– С дуба рухнул? – фыркнула Аня и хихикнула: с некоторых пор эта поговорка для нее приобрела особый смысл. –

Там сплошной битый кирпич. Кувыркнемся уже через два метра, и будем катиться по обломкам до самой реки. Хочешь превратиться в кровавый фарш?

– Да ты не туда смотришь, – возразил Игорь. – Вон, погляди, какой шикарный чугунный желоб.

Он кивнул на десятиметровый металлический «язык», высунувшийся из кирпичной арки.

Вообще-то, арка и желоб когда-то предназначались для спуска воды, но, видно, пару столетий назад кто-то что-то недосмотрел или нарушил технологию, и чугунный поток проложил себе собственный путь к свободе. До реки, правда, не добрался, застыл, подобно лаве.

Река же за долгие годы паводков подмыла под ним грунт. Укрепленный чугуном каменный желоб перекосило, оторвало от здания завода и немного развернуло, отчего он действительно начал напоминать трассу. Хотя, скорее для бобслея, нежели для велосипедного спорта.

У выходного отверстия трава была вытоптана (или, что более вероятно, вытерта шинами), и на песке пляжа виднелись колеи от колес. Недалеко от этого места какой-то байкер в модном костюме и шлеме с откинутым забралом стекла мыл свой транспорт тряпочкой, загрязняя речку. Уж не катался ли тоже по чугунному «языку»?

– Дай угадаю, – сказала Аня. – Ты тут уже пару лет тренируешься, а теперь просто хочешь поразить меня своей вело-ловкостью, да?

– Ну, есть такое, – ухмыльнулся Игорь. – Мы с ребятами тут слалом организовали. Катаемся на великах, самые экстремальные – на роликах. А зимой – на «ватрушках». Хочешь попробовать? Тебе понравится, честное слово!

– Самоубийство, – покачала головой Аня, оценивая изгиб и наклон «трассы». Кататься на таком аттракционе могли только конченные адреналинщики.

– Ну я же цел, – возразил ей Игорь. – Даже ничего себе не сломал. Не, ну первый раз, само собой, вылетел прочь вон через тот потек, но и то приземлился на оба колеса, и просто въехал в реку. Так что ничего страшнее купания нам не грозит. Поехали?

– Да ты спятил! – Аня даже отодвинулась от него. – Я еще жить хочу.

– Брось. – Игорь явно загорелся идеей. – Один разочек. Это безопасно, честное слово: никто еще не убили. Тем более, я эту трассу знаю, как свои двадцать пальцев: и где трясет, и где заносит, и на какой занозе шины рвутся. К тому же, в том месте, где чаще всего ребята из «желоба» вылетают, мы песочка побольше навалили – так, на всякий случай.

– Нет, – отрезала девушка, поднимаясь на ноги и отряхивая зад от кирпичной пыли.

– Ну, один разочек. – Игорь молитвенно сложил ладони и соорудил «щенячьи глазки».

– Нет. – Аня закинула сумку на плечо и начала спускаться со стены.

– Это классно, – заверил ее парень, идя следом. – Адреналин, эндорфинчики. Как с парашютом прыгать. Только еще безопаснее.

– Даже не уговаривай, – покачала головой Аня.

– Что, настолько старая стала?

Аня замерла. Развернулась и прищурилась на парня, пытаясь одним взглядом передать ему все, что думает о подобных высказываниях.

– Нет, ну а что? – нисколько не смутился Игорь. – Ружье не трогай, к людям с расспросами не приставай, в окна не заглядывай, по горам на велике не катайся – говоришь прям, как моя мама. Только моей маме уже семьдесят.

– Не надо путать здравомыслие со старостью, – возмутилась Аня, слегка растерявшись из-за информации о реальном возрасте соседки, которая на данный момент состояла в статусе кормящей матери.

– Я тебе все здраво расписал: опасности никакой, на этой трассе еще никто не убится, – Игорь скрестил руки на груди. – А ты все равно отказываешься. Ну и что это, если не старческое занудство?

– Да. Я уже выросла из возраста сумасшедших выходок, – признала Аня. – Забочусь о своем здоровье и жизни. И что, разве это плохо?

– Но признайся: хочется, да? – ухмыльнулся Игорь. – Давай, скажи, что скучаешь по студенческим временам и всякое такое.

– Да я даже во времена студенчества себе такие экстремальности не позволяла! – возмутилась Аня.

– Очень даже зря. – Парень блеснул глазами. – Многое потеряла. Но еще не поздно вернуть.

– Отстань, Игорь. – Аня тряхнула головой и попыталась было продолжить спуск, но чертов адреналинщик поймал ее за плечо:

– Брось. Я же вижу, как ты сомневаешься, – сказал он тоном змея-искусителя. – Ну, давай не на раме, на багажнике – там сидеть надежнее. Толстовку свою пожертвую на место подушки.

– Я лучше с парашютом прыгну, – сказала Аня. – Там хотя бы страховку можно оформить.

– Стару-у-шка, – дурачась, протянул Игорь. – Не хочешь с моей матушкой организовать клуб зануд? Будете там делиться тысячей и одним способом, как уберечься от всего интересного в жизни.

– Переломы, – многозначительно напомнила Аня.

– Заживают за месяц, – парировал Игорь.

– Вывихи, – не сдавалась девушка.

– Еще быстрее, – отбил и этот выпал Игорь.

– Сотрясение мозга, – выдала свой козырь девушка.

– ... проходит куда легче, если пожить пару дней подле плантации, – ощерился во все тридцать два зуба парень, ощутив, что побеждает.

– У эльфов проходит, – уточнила девушка.

Игорь многозначительно глянул на нее и напомнил:

– А кто тут на семь восьмых родом с Йельва?

Некоторое время Аня только молча пилила его взглядом.

Потом цыкнула, вздохнула и сказала:

– Только один раз, чисто из принципа. И если упадем, месяц будешь сидеть под домашним арестом. И мамке признаешься, где расшибся.

– Эй, даже не думай ей рассказывать: она кормящая, у нее от стресса молоко может пропасть, – замахал руками Игорь.

– Поехали уже, пока я не передумала, – девушка прыгнула на разрушенную домну. – А то почта скоро закроется.

– Есть!

Адреналин – странная штука. Вот, вроде, и опасен он: по сердцу бьет так, что мама не горюй, и может вызывать обострение разных заболеваний вроде гипертонии, но, с другой стороны, зачем-то же природа сохранила механизм выброса адреналина в кровь в условиях практически безопасной современности? Быть может, и правда стоит время от времени совершать что-нибудь эдакое, чтобы тело не ослаблялось слишком сильно?

Так думала Аня, когда они въехали под кирпичную арку, и Игорь тормознул перед самым началом трассы, проверяя напоследок, готов ли его «железный конь» к экстремальной скачке по чугунным неровностям желоба. Теперь-то девушка видела, что желобом трасса была лишь отчасти, а в боль-

шинстве мест представляла собой нечто бесформенное, но при этом очень-очень твердое.

– Игорь, а ты уверен... – неловко начала Аня, но ее перебила короткая команда:

– Держись!

И они полетели. Секунды две это ощущалось именно так: резко сиганувший под углом велосипед неожиданно набрал бешеную скорость, и желудок девушки попросился выйти на время лечебной адреналиновой процедуры, а попа завопила от страха, потеряв контакт с багажником от первого же толчка.

То есть, завопила, конечно, Аня, намертво вцепившись в безрассудного ушастого водителя-экстремала, черт бы побрал которого с его оригинальными идеями. Но ощущение, что с ней в унисон вопит и каждая клеточка тела, было вполне реальным.

Наверное, выброс адреналина и правда случился, потому что полсекунды полета в начале трассы растянулись для девушки по крайней мере на две минуты: она успела передумать тысячу мыслей, вспомнить, куда положила пудреницу и как называется та штука для изготовления валенок (впрочем, за те же полсекунды она забыла это обратно).

Успела рассмотреть все: и потрясающие солнечные отблески в волнах реки, и сочную траву по ее берегам, и выщербленные от времени потеки металла, и родинку в форме морковки на шее у Игоря. Она успела представить, как они

перелетают во-о-он через тот потек, и ее череп разбивается о притаившийся неподалеку острый камень. Успела пожалеть, что не составила завещания, и простить себя за это, так как оставлять ей было нечего и некому.

Но бесконечные полсекунды едва ли не свободного полета кончились, сменившись смачным приземлением обратно в желоб и сменой трассы с гладкой на ребристую.

Когда-то именно в этом месте сбежавший из печи расплавленный металл начал тормозить, и весь покрылся легкими волнами, незаметными человеческому глазу, но очень даже заметными человеческой попе. Она ударялась о дребезжащий багажник с такой частотой и силой, что даже пикнуть было страшно: а ну как язык откусишь?

Поэтому момент, когда велосипед вопреки заверениям Игоря вылетел-таки за пределы трассы на первом же изгибе, Аня встретила в молчании, полном леденящего ужаса из-за неумолимо надвигающейся на них каменистой земли.

Зато Игорь, натренированный регулярными адреналиновыми развлечениями, не смолчал, и выругался таким истеричным тоном, что в очередные бесконечные полсекунды Аня всерьез успела подумать, что сейчас он сорвет себе голос.

Впрочем, эта мысль быстро была унесена потоком других, куда более панических. Вот сейчас колеса коснутся земли и не справятся, разумеется, с возложенной на них миссией по доставке пассажиров. Велосипед еще сильнее развернет, он

накренится и начнет вращаться, ударяясь о землю и острые кирпичные обломки то верхом, то низом. Точнее, то головами пассажиров, то боками, то колесами, не упуская при этом и остальные части тела и велоустройства.

К реке они докатятся в виде мясо-металлической каши, сдобренной кирпичным крошечком. Котлета по-киевски. Хорошо хоть, лететь недолго: возможно, патологоанатом даже сумеет разобрать их трупы на две кучки.

Пока ее сознание, разделившееся на две личности, паниковало и одновременно сочувствовало несчастному патологоанатому, Игорь закончил договаривать короткое матерное слово, показавшееся Ане бесконечным, подобрался, выкрутил руль и встретил почву все-таки шинами, а не собственной дурной башкой. Аня, чуть отставшая в полете, тут же нагнала его, приземлившись лбом в спину парня, но из-за каких-то неуловимо произошедших изменений, не нащупала попой багажника и продолжила свое падение.

Лететь им до реки оставалось еще секунды две – по крайней мере, так рассчитал ее наадреналинизированный мозг – и руки девушки, вдруг зажившие своей жизнью, вспухли жилами и венами и вцепились в старую футболку Игоря, пытаясь удержать тело от падения еще хоть на секунду. Футболка не выдержала выпавших на ее долю испытаний, жалобно затрещала и начала расходиться сразу в двух местах.

Аня в панике стрельнула глазами в сторону реки, куда явно направлял взбесившийся велосипед Игорь, каким-то чу-

дом в последний момент объезжая все крупные камни. Но секунда таяла, падение продолжалось. Вот уже велосипед, подскочив на очередном валуне, в последний раз подлетел в воздух перед приземлением в воду, а она, Аня, не удержавшись, повалилась-таки на землю. Удар, еще удар. Ее закрутило, потащило инерцией.

Ну все, конец. Эй, а почему нет боли от раздирающих плоть обломков кирпичей? Откуда кругом песок и трава?

Глава 5. Торговый квартал

Следующие несколько секунд, а может, и минут, в Аниной памяти не сохранились. Она очнулась от того, что солнечный свет загородила фигура в черном. Неужто демоны явились по ее душу? Чего же они тогда так участливо на нее смотрят? И... это что, мотоциклетный шлем?

Девушка тряхнула головой, приподнялась на локтях и огляделась. Она все еще была жива. Вот река, вот оглушенный Игорь растерянно крутит головой, пытаюсь понять, на каком свете находится. Позади высится убийственный трек, с этой точки зрения кажущийся отчего-то еще более экстремальным, нежели сверху. Под одним из его выгибов трава смята, и можно разобрать след их непредвиденного спуска.

Вот тут они приземлились, сняв кусок дерна, тут Игорь попытался справиться с управлением. А вот тут она упала. Странно: всего-то пара метров, а казалось, что тело катится по склону целую вечность. И ведь приземлилась не на камни, а в прибрежный песок, заботливо взрыхленный любителями посидеть у реки с пивом – поразительное везение.

– У вас хорошая реакция: вовремя прыгнули и технично упали, – сказал ей «демон» знакомым голосом. – Давно занимаетесь экстремальными видами спорта?

– А? – Аня, наконец, соизволила рассмотреть черную фигуру, нависшую над ней.

Это был тот самый любитель загрязнять реки мытьем двухколесного транспорта: похоже, он подошел проверить, не нужна ли его помощь, так как держал под мышкой аптечку, какие порой приобретают ответственные байкеры.

– Вы в порядке? Сколько пальцев видите? – мужчина продемонстрировал ей знак «Виктория».

– Эверий? – наконец, сообразила Аня, откуда она знает этот голос и глаза за круглыми очками. – Что вы тут делаете?

– Да вот, ездил по делам, а потом «коня» своего пришел помыть, – он махнул рукой на блестящий байк: не «Харлей», а что-то из разряда японского мотопрома. – У вас болит что-нибудь?

– Нет, вроде. – Аня попыталась подняться. – Ауч! Нет, кажется, я ногу сломала.

Девушка шлепнулась обратно, схватившись за правый голеностоп, вдруг взорвавшийся болью: видно, все это время она пребывала в состоянии шока, и просто не замечала боли, но стоило нагрузить ногу, и та вспыхнула огнем. Не удержавшись, девушка взвыла.

– Аня! – отмер, наконец, и Игорь, рванувшись из реки.

Он тоже еще толком ничего не соображал, и на автомате волок за собой многострадальный велосипед, переднее колесо которого извело такой качественной «восьмерочкой», что напоминало пресловутую «ленту Мебиуса».

– Вы позволите? – сказал Эверий, не дожидаясь ответа, стянул с Аниной ноги туфлю и принялся ощупывать место

травмы. Руки его отчего-то показались ей ледяными: похоже, кожа на пострадавшем месте стремительно разогревалась.

– Ай! – вскрикнула девушка, когда мужчина сжал голеностоп и качнул ступню из стороны в сторону. Впрочем, вскрикнула она скорее из-за ожидания боли, нежели из-за самой боли.

– Это не перелом, – уверенно постановил Эверий, разрывая упаковку бинтов и смачивая их тут же, в реке. – Просто сильный ушиб. Надо приложить холодное. И еще вам желательно прямо сейчас оказаться дома и полежать пару часиков, подняв ноги повыше: так вы снизите отек и объем гематомы. Можете прямо сейчас поднять ногу на этот камень. Хотя, компресс со льдом будет, разумеется, эффективнее. Но пока просто наложим мокрую повязку.

Он быстро и технично замотал ей ногу мокрым бинтом, а потом надел обратно туфлю. Игорь стоял рядом и смотрел, ни говоря ни слова. На его лице то и дело сменяли друг друга разнообразные эмоции – от стыда до возмущения – но процессу лечения он не мешал.

– Далеко живете? – спросил Эверий, закончив с процедурой и протянув девушке руку.

Аня ухватила за нее и встала: теперь куда более осторожно, не решаясь сразу нагружать пострадавшую конечность. Впрочем, нога, кажется, действительно не была сломана. Но болела все-таки адски.

– В Прокопьевском переулке, – ответила девушка, шевеля забинтованной стопой. Место ушиба, похоже, стремительно распухало, и под бинтом уже становилось тесновато.

– Я вас довезу, – безапелляционно заявил Эверий. – Идемте.

Он потянул ее в сторону мотоцикла, приветливо поблескивающего свежееотмытой фарой.

– Эй! – спохватился, наконец, Игорь и ухватил Аню за другую руку, отчего девушка стала похожа на небезызвестного персонажа Вицина из «Кавказской пленницы» – растянутая между двумя мужчинами.

Эверий удивленно вскинул брови, Аня тоже укоризненно кивнула на покореженный велосипед. Игорь сдался. Сегодня он был, определенно, не на коне. Во всех смыслах.

Никогда раньше Аня не ездила на мотоциклах, если не считать того древнего «Урала» с коляской из ее детства. Определенно, передвижение на двухколесном мототранспорте она представляла себе не так. Не то чтобы это нарушало ее представления о законах физики, совсем даже наоборот: она никогда не замечала, насколько сильно действуют на движущийся объект силы инерции.

Мотоцикл оказался тем самым видом транспорта, который демонстрировал законы физики во всей красе: вот их заносит на развороте, вот они кренятся к земле под немыс-

лимым углом, вот их протаскивает инерцией по пыльной дороге. И ведь даже не сказать чтобы быстро ехали.

В общем, знакомство с мотоциклом Аню впечатлило. Правда, не настолько, чтобы купить себе такой же: не имея особого опыта общения с байкерами, она все же по каким-то особым признакам определила, что ее вез опытный и спокойный водитель, который из нее самой мог и не получиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.